

A man in a Russian naval uniform stands on the deck of a ship at night. He is wearing a black uniform with a red-topped cap, a skull and crossbones emblem, and several medals. He is looking off to the side. The background shows the ship's structure, including large funnels and a lifeboat, under a dark sky.

попаданец

Игорь Валериев
ЕРМАК
КОНТРТЕРРОР

Попаданец (АСТ)

Игорь Валериев

Ермак. Контртеррор

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Валериев И.

Ермак. Контртеррор / И. Валериев — «Издательство АСТ»,
2021 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-144689-5

За время своего пребывания в новом мире Аленин многого достиг. Подполковник Генерального штаба, георгиевский и владимирский кавалер, награжден всеми боевыми орденами, возможными в его чине, начальник Аналитического центра – новой спецслужбы, лично подчиненной императору Всероссийскому. Он получает в свои руки такие инструменты, как разведка, контрразведка, аналитический отдел, имеющий право получать информацию из любой государственной службы империи, включая МИД, МВД и военное ведомство, проводить ее анализ, делать выводы и разрабатывать оптимальные решения по обеспечению безопасности и государственных интересов Российской империи. И как розочка на торте – подразделение специальных операций для силового решения выявленных проблем. И пускай центр еще только формируется, он уже готов показать свои зубки.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-144689-5

© Валериев И., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Игорь Валериев

Ермак. Контртеррор

© Игорь Валериев, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Посвящается моему отцу Валерию Ивановичу и любимой жене
Людмиле.*

За их поддержку и помощь

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «АвторТудей», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Акимова Сергея Викторовича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Черепнёва Игоря Аркадьевича, Шарапова Евгения Ивановича.

Пролог

– Ваше высокоблагородие, Тимофей Васильевич, остыло же всё уже. Поешьте, – осуждающе произнес Севастьяныч, отворив дверь и заглянув в купе.

Денщик Хохлов Михаил Севастьянович, прибывший вместе со мной из Китая, на время моих «командировок» в Европу и Англию был отправлен в имение в Курковицах. Так как Сазонов с семьей жил в другом моем имении, на мызе Калитино, то Севастьяныч быстренько взял на себя командование над Прохором и всем его семейством, обслуживающим дом и земли.

Бравый солдатушка-ребятушка, грудь которого украшали две серебряные медали, «За усердие» на Станиславской и Аннинской ленте за выслугу лет и золотая «За храбрость», что я ему «выбил» за участие в штурмах фортов Таку и арсенала в Тяньцзине, походя, морально смял и подчинил себе не только Прохора, но и его сестру Степаниду. А свою кухарку даже я побаивался. И всё бы было прекрасно для Хохлова, если бы не Василиса, тридцатипятилетняя вдова – работница на мызе, положившая глаз на Севастьяныча и начавшая осаду по всем правилам фортификации. В результате, как только Хохлов узнал, что я вернулся, тут же бросился в Гатчину с криками: «Спасите! Помогите! Девственности лишают!» В реалии звучало: «Она меня на себе женить хочет».

И вот теперь усатая «нянька», которая не понимает своего счастья в виде Василисы и уютного домика в Курковицах, сопровождает меня в царском поезде, следующем в Москву на коронацию Николая II Александровича и Елены Филипповны, и требует, чтобы я поел.

Коронация их величеств должна будет состояться девятого мая одна тысяча девятьсот первого года в Успенском соборе Московского кремля. Значимое и знаковое такое число для меня. Сначала хотели пятого или шестого мая, но на них приходились дни рождения Николая и его старшего сына Александра. Так и остановились на девятом.

Все распоряжения по приготовлению к торжествам были возложены на министра императорского двора графа Воронцова-Дашкова. Был сформирован коронационный отряд в числе восьмидесяти двух батальонов, тридцати шести эскадронов, девяти сотен и двадцати восьми батарей под командованием великого князя Владимира Александровича, который убыл в Москву к своему брату Сергею Александровичу еще третьего мая. А мы ехали седьмого.

Мы – это царская семья с детишками: шестилетним Александром, пятилетним Алексеем и пятимесячной Ольгой, а также Ксения с Сандро и Михаил Александрович, их слуги и охрана. В последнюю входил и я как начальник Аналитического центра – новой службы при его императорском величестве.

Со вздохом отложив бумаги на диван, я пододвинул к себе кухонные судки, в которых Севастьяныч принес обед из вагона-ресторана. Неплохо так, уха стерляжья, какая-то белорыбница в сметанном соусе, расстегаи с палтусом, плюс нарезка из красной рыбы и икра черная. Рыбный день, что ли, сегодня или пост? Не важно. Всё обалденно вкусно. Отлично кормят в царском поезде.

Когда Севастьяныч унёс пустую посуду, я, расслабленно откинувшись на спинку дивана, посмотрел в окно и поймал свое отражение. Подмигнув ему правым глазом, с иронией подумал: «Дожил ты, товарищ подполковник. Денщик тебе красную рыбу с черной икрой с царского стола приносит, а ты всё это лопаешь! Где же твоя совесть коммуниста? За что кровь проливал?!»

Нет, это не шиза. Просто почти тринадцать лет назад сознание гвардии подполковника Аленина Тимофея Васильевича, офицера спецназа ГРУ, прошедшего Афганистан, Нагорный Карабах, Осетино-Ингушский конфликт, две чеченские кампании, каким-то образом перенеслось из две тысячи восемнадцатого года в одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год в тело четырнадцатилетнего казачонка Тимохи, сына Василия Аленина.

Много чего произошло со мной в этом мире. Путь от казачонка-пастуха до подполковника Генерального штаба и начальника новой спецслужбы при российском императоре был тернистым и кровавым. При этом и моей крови пролилось немало. Если кратко, то закрыл собой от пули снайпера цесаревича Николая Романова, возвращавшегося из восточного путешествия. Потом учеба в Иркутском юнкерском училище, первое офицерское звание. От императора Александра III за спасение сына получил орден Святого Георгия четвертой степени, потомственное дворянство и приставку Зейский к фамилии. Императрица подарила очень неплохое имение рядом с Гатчиной.

По указанию государя был телохранителем у Николая, когда отец направил его наместником на Дальний Восток. Еще два раза предотвратил покушения на цесаревича. Потом гонял хунхузов на границе с Китаем, затем академия Генерального штаба, участие в походе в Китай, где отметился при штурме фортов Таку и арсенала Тяньцзиня, участие в обороне Благовещенска и в рейде отряда генерала Ренненкампа.

Когда взяли Гирина, узнали, что император Александр III, императрица, великий князь Георгий и великая княгиня Ольга заболели брюшным тифом, а потом пришла телеграмма от цесаревича с просьбой-приказом прибыть в столицу.

Да, в этом мире произошли значительные изменения, которые заставляют задуматься, а мой ли это мир? Может быть, какой-то параллельный, или мое попадание сюда так на него повлияло?

Во-первых, в моем прошлом-будущем на цесаревича Николая Александровича во время восточного путешествия было совершено только одно покушение в Японии. Здесь же в него во время следования на пароходе по Амуру стрелял снайпер. Да и наместником Дальнего Востока он в моем мире не был, и еще два раза во время наместничества его не пытались убить. Во-вторых, император Александр Третий дожил до двадцать девятого сентября одна тысяча девятистотого года. Может быть, и дольше бы прожил, но был отравлен вместе с женой, Георгием и Ольгой. Николай с беременной супругой и двумя сыновьями остались живы только из-за капризов Елены Филипповны, которой захотелось покататься на яхте. Благодаря чему они и не отведали отравленного компота. В-третьих, жена у Николая не «Гессенская муха», а Елена Орлеанская. Аликс же по настоянию королевы Виктории вышла замуж за герцога Йоркского, теперь уже короля Георга Пятого. Так что гемофилия царскому дому Романовых не грозит. А вот как обстоят дела у сына английского короля, маленького Эдуарда, надо будет уточнить.

То, что двоюродный брат Николая так рано занял английский трон, произошло из-за того, что его бабушка Виктория, папа – принц Уэльский и храмовый совет или капитул Великой объединенной ложи Англии приговорили Александра Третьего со всем семейством к смерти. Причина банальна – снижение денежных потоков от наркотрафика в Китай и в Россию.

Император решил подмять под себя Маньчжурию с ее двадцатью или тридцатью миллионами населения и запретить свободную продажу опиума и его производных в Российской империи. Этого ему не простили в «Большой игре», объявив тайную смертоносную войну.

Меня же Николай отозвал из Китая, чтобы я нашел убийцу и заказчиков, а также подготовил тайный адекватный ответ. Убийцу я и мои помощники нашли в Лондоне и доставили перед очи Николая Второго. Потом был взрыв главного храма английских масонов во время проведения храмового совета верхушки посвященных, где свадебным генералом присутствовал великий мастер ложи «брат Эдуард», или принц Уэльский. Сердце мамы погибшего принца не выдержало, а во время похоронной процессии королевы Виктории и принца Уэльского к «жертвам фениев» добавились премьер-министр маркиз Солсбери и еще несколько представителей Тайного Совета Великобритании. Георга и Алису из-за личных чувств Николай попросил не трогать.

Так что если в России некоторые исторические личности прожили чуть дольше, то в Англии ох или ах какое количество народа померло раньше времени. И продолжает умирать.

Для отвода глаз мы попытались виноватыми в терроре выставить фениев Ирландского республиканского братства, отправив Георгу Пятому интересную посылку, в которой был и рисунок флага борцов за свободу Ирландии. И если сначала была тишина, то с конца марта в Англии события понеслись вскачь. Не проходило и недели без громкого теракта.

Десять дней назад был убит новый премьер-министр граф Артур Бальфур, которого за жесткое противодействие идеям ирландского самоуправления прозвали «кровавым Бальфуром». Причем убили издалека, вернее всего из охотничьей винтовки с оптикой. Кажется, тем терактом мы выпустили джинна из бутылки.

Еще из влияющих на события этого мира действий можно вспомнить убийство Юзефа Пилсудского – диктатора Польши в моем мире. Восемь лет назад Юзеф, отбывающий здесь каторгу в Тункинском остроге, примкнул к восставшим каторжанам Александровского централа под Иркутском. Я тогда учился в Иркутском юнкерском училище, и нас бросили на подавление восстания. Один выстрел – и история Польши теперь тоже будет другой.

Если говорить о моем «прогрессорстве» в этом мире, то самым важным считаю появление пенициллина, который произвели супруги Бутягины. Женская половина этой пары – знахарка Марфа, или, как теперь ее зовут, Мария Петровна Бутягина – единственный человек в этом мире, который знает, что в теле Тимофея Васильевича Аленина-Зейского живет душа попаданца из будущего. Именно ей я давно рассказал, что в моем мире был выделен из грибов семейства Пенициллов сильный антибиотик, способный бороться с множеством болезней.

И Бутягины его создали, опробовали, убедили многих медицинских светил, и теперь в Томске под руководством Павла Васильевича Бутягина будет создан бактериологический институт с производственными мощностями по изготовлению пенициллина, а также противодифтерийной сыворотки и оспенной вакцины. Николай Второй дал добро, а главное, выделил на это финансы.

Также отношу к своим заслугам то, что в Российской империи шесть лет назад был построен Ковровский оружейный завод, которым заведует российский подданный генерал-майор Мадсен. И выпускает этот завод, как вы понимаете, пулеметы, появившиеся в моем прошлом-будущем на вооружении Дании только в одна тысяча девятьсот третьем году.

Здесь же я с Вильгельмом, как соавтор, произвел уже несколько модификаций пулемета. С последней из них, которая имеет защитный кожух, укороченный ребристый ствол, уменьшенные сошки, надульник для усиления импульса отдачи ствола и ускорения перезарядки, пистолетную рукоять и более удобную, эргономичную форму приклада, я был откомандирован на Дальний Восток для проведения испытаний. Испытывать двадцать пулеметов пришлось в боевых условиях войны с Китаем, и результаты были обнадеживающими для принятия последней модификации на вооружение всех кавалерийских частей империи.

Дополнительным бонусом шло вооружение российской армии пулеметами Максима, причем с моей подачи в том виде, который он приобрел в моем мире в одна тысяча девятьсот десятом году. На уровне пехотных полков формировались пулеметные команды. Правда, как всегда, через... Пулеметная команда состояла из девяти человек, которые обслуживали всего восемь пулеметов. Да и пулеметная и патронная двуколки, передвигаемые парой лошадей, для манёвра были не ахти.

Во время рейда отряда генерала Ренненкампфа испытали тачанки. Павел Карлович и другие офицеры были в восторге от такой модификации и оптимизации пулеметной команды для кавалерии.

Кстати, в прошлом году Хайрем Максим согласился принять условия Александра III, и вместе с Норденфельтом по примеру генерала Мадсена начали строить под Тулой завод по производству русских моделей своих пулеметов и скорострельных пушек. Возможно, перевезут и завод из Англии. Там начались какие-то судебные проблемы с фирмой «Виккерс», которую усиленно поддерживает британское правительство. Недовольны джентльмены тем, что импе-

ратор Всероссийский имеет контрольный пакет акций Maxim-Nordenfelt Guns and Ammunition Company и эта компания в основном выпускает оружие для нашей армии. Так что пулеметами и скорострельными пушками наши войска точно будут обеспечены.

Если брать по мелочи, так еще в одна тысяча восемьсот девяносто третьем году я получил орден Святого Станислава 3-й степени за внедрение в российские войска нового снаряжения: РД-54, плащ-палатки, котелка с кружкой, индивидуального медицинского пакета со жгутом. Даже привилегии в денежном эквиваленте за них получаю, а также являюсь акционером Ковровского завода.

Кроме того, как оказалось, Александр III собирал в отдельную папку все мои предложения по «прогрессорству», начиная от листков с рисунками пулеметов Максима, Мадсена, дзота и схем, которые я рисовал на первой своей встрече с императором восемь лет назад. В этой папке были и мои выпускные работы по тактике из училища и академии, все те листы, которые также восемь лет назад передал графу Воронцову-Дашкову. Кроме того, и мои работы в военно-ученом комитете по бронепоезду, гранатам типа Ф-1 и РГД-5, по минам и заграждениям из них, миномету и еще кое-какой мелочи.

Новый император, Николай II, пообещал рассмотреть данные предложения и приказал подготовить докладные записки по каждой вундервафле под соусом «каким образом принятие данного оружия скажется на обороноспособности Российской империи». Прodelать всё это надо было в рамках работы Аналитического центра.

Н-да... Аналитический центр... Когда мы вернулись из Англии, Николай долго думал, куда бы меня и моих поделльников пристроить, пока я не предложил ему создать еще одну службу, которая объединила бы разведку, контрразведку, аналитический центр, имеющий право получать информацию из любой государственной службы империи, включая МИД, МВД и военное ведомство, проводить ее анализ, делать выводы и разрабатывать оптимальные решения по обеспечению безопасности и государственных интересов Российской империи. И как розочка на торте – подразделение специальных операций для силового решения выявленных проблем. Николай дал добро, и с января по настоящее время шло формирование службы, определялся штат, функционал, финансирование и прочее.

Если для разведки и контрразведки подбирались педагогический состав, разрабатывалась программа обучения, отбирались кандидаты, то по взводу «головорезов» вопросов было намного меньше. Две недели назад в Гатчину прибыли мои братья и тридцать казаков-малолеток¹ восемнадцати годочков из Амурского войска. Они должны были стать костяком будущих сил спецопераций Российской империи.

Хорунжий Селивёрстов был назначен командиром взвода, Данилов – его замом по всем штабным и хозяйственным делам. Остальные братья – инструкторами, а малолетки укомплектовали взвод. Для них рядом с Гатчинским полигоном была построена небольшая, закрытая от посторонних база со своим стрельбищем, полосой препятствий, штурмовым полигоном. И они уже приступили к тренировкам. Правда, на время поездки в Москву на коронацию я прихватил братьев с собой для усиления охраны императора и его семьи. Тем более Николай их прекрасно знал по конвою на Дальнем Востоке. На базе остались Данилов и молодежь.

В остальном же события в этом мире текут более или менее похоже с моим. Это с учетом того, что я помнил по историческим событиям моего мира, произошедшим в этот временной промежуток.

В личной жизни произошли положительные изменения, и надеюсь, надолго. В прошлом или будущем дважды был женат, но обе супруги ушли, не выдержав кочевой жизни офицера спецназа. В этом мире у меня уже было две любви. Сначала на балу у княгини Трубецкой

¹ *Малолетки* — казаки, достигшие семнадцатилетнего возраста, с которыми до призыва идет целенаправленная подготовка к службе.

познакомился с Анечкой фон Дерфельден, очень похожей на мою вторую жену из прошлой жизни. Но не срослось! Потом встретил и полюбил мою «смелую птичку» Дарью. Образовалась невенчаная семья. Я уже нашел возможность, как узаконить наши отношения, как один из террористов, готовящих покушение на наследника престола, убил ее и моего не родившегося ребенка.

И вот теперь в моей жизни появилась Мария Бенеvская. Меньше месяца назад на ее дне рождения сделал предложение выйти за меня замуж, причем в такой форме, что слухи и обсуждения тех событий до сих пор гуляют по столице. Не принято в этом мире так просить руки у избранницы. Поэтому мнения разделились от «что взять с простого казака, который этикета не понимает и не знает» до «кто бы и мне так же предложение сделал». Главное – Машеньке понравилось, и она была счастлива.

А Давыдов и Долина, ведущие исполнители Мариинского театра, уже дали несколько концертов с моими песнями-романсами. И, что важно, готовы и дальше сотрудничать со мной. На свадьбу точно «Эхо любви» с ними разучим.

Кстати, на том дне рождения встретился и с Борисом Савинковым – другом детства Бенеvской. Тот был проездом в столице, решая финансовые семейные вопросы перед своим убытием в Швейцарию к беременной жене. Сторожок на него по запросу из Аналитического центра в отдельном корпусе жандармов поставили, так же как и на Ульянова Володю, который через месяц после смерти Александра III убыл за границу.

Смерть императора стала тем событием, которое вызвало за собой резкую активизацию революционного движения как в империи, так и за рубежом. В Мюнхене и Цюрихе начали собираться и консолидироваться революционеры всех мастей. Пошли разговоры о создании единой революционной организации.

Из-за начавшегося экономического кризиса и ухудшения положения рабочих в столице и других крупных промышленных городах империи усилилась революционная агитация, участились локальные выступления рабочих, горожан с требованиями, как экономическими, так и политическими.

Жандармы, конечно, держат руку на пульсе, но события готовы помчаться вскачь, надо готовиться и думать, как это всё повернуть в менее кровавое русло.

Я опять посмотрел на свое отражение в окне купе.

«Что делать-то будем, товарищ гвардии подполковник?!» – подумал я, мысленно смотря уже куда-то в пустоту.

Глава 1

Что делать?

«Что же делать-то будем, товарищ гвардии подполковник?» – такая мысль последние месяцы всё чаще посещала меня. И резвилась она в голове из-за того объема информации, который за последний квартал обрабатывал мой всё еще создаваемый аналитический отдел.

В свое время, будучи личником у цесаревича Николая, я убедился в том, что правильно поданная информация позволяет нужным образом воздействовать на будущего императора. Теперь он стал самодержцем. А я получил в руки неплохой, пускай еще создаваемый инструментарий: разведку, контрразведку, аналитический отдел и спецподразделение. Поэтому, времени зря не теряя, начал потихоньку готовить справки для Николая Второго в нужном ключе. Выручали данные из Центрального статистического комитета МВД. Только вот интерпретировались они несколько иначе. И от такого рассмотрения полученных цифр становилось страшно даже мне.

С чего начал? Простой вопрос – рождаемость и смертность населения. Берем статистику за последние пять лет, предоставленную статкомитетом в верноподданном направлении.

По статданным в одна тысяча девятисотом году общее количество жителей в Российской империи составило сто тридцать шесть миллионов и за пять лет увеличилось на одиннадцать миллионов, или почти на девять процентов. В среднем на тысячу человек рождалось сорок девять человек, умирало тридцать четыре, прирост получался пятнадцать человек. Отличный, казалось бы, рост?! Дмитрий Иванович Менделеев на основании последней переписи населения в девяносто седьмом году спрогнозировал, что к середине двадцатого века население России достигнет четырехсот миллионов человек. Виват, империя!

Только вот возьмешь цифры по смертности и... Из этих умерших тридцати четырех человек в среднем почти четырнадцать приходится на детей до пяти лет. Их умирало до этого возраста сорок процентов, и они составляли две пятых от всего количества умерших. Волосы дыбом по всему телу! До пяти лет умирало четыреста детей из тысячи! Это какое же детское кладбище на всю Россию получается за последние пять лет?! Почти десять миллионов?!

Детская смертность в Европе была значительно ниже. В среднем около ста пятидесяти детей на тысячу. И если снизить смертность в России хотя бы до такого уровня, то прибавление в населении составит плюс пять-шесть миллионов за десять лет.

По смертям от заразных болезней, таких как оспа, корь, скарлатина, коклюш, дифтерия, тиф, мы опять впереди планеты всей. В Российской империи ежегодно на одну тысячу за последние пять лет в среднем умирало пять человек. В то время как в Англии, Германии, Швейцарии ноль целых и семь десятых человек. В Австрии, Испании, Италии – около двух человек.

Таким образом, детская смертность и смерть от заразных болезней составляет пятьдесят шесть процентов от общей убыли населения. Страшные цифры! И как их исправлять, даже не представляю.

Николай, когда их узнал, дня три ходил мрачным, а потом на полигоне Дворцовой полиции, по словам Ширинкина, из пулемета Максима расстрелял несколько лент, в труху разбив мишени.

Нет, если бы были деньги на преобразование сельского и городского хозяйства, медицинское обслуживание, то потери от смертности, конечно, можно было уменьшить значительно. Но в реалиях таких денег нет, и взять их неоткуда.

«А как же созданная Витте русская финансово-валютная система? Его денежная реформа, направленная на укрепление рубля? Ведь уже к началу двадцатого века золотой рубль

теснил франк и марку, обгонял доллар и стремительно приближался по котировке к фунту стерлингов?!» – спросите вы.

Отвечаю. Да, в одна тысяча девятисотом году впервые в истории России доходы превысили расходы, и произошло это без увеличения налогового бремени. Бюджет Российской империи за пять лет вырос на пятьдесят восемь процентов и достиг почти двух миллиардов рублей. Золотой запас Госбанка вырос почти до девятисот миллионов. Рубль обеспечен золотом и имеет четкий, фиксированный золотой эквивалент: один рубль равен 0,774 грамма золота. Два миллиарда рублей – это больше полторы тысячи тонн золота. Казалось бы, огромные, астрономические суммы.

Но... Поделим эти два миллиарда рублей на количество населения, то есть на сто тридцать шесть миллионов. Что получим? Правильно, почти пятнадцать рублей на душу в год, или рубль и двадцать пять копеек в месяц. Вот такая вот интересная наука – статистика. Я съел одну курицу за обедом, ты вообще не ел. Но вместе мы съели по полкурицы.

К чему я это сказал, да к тому, что из этого бюджета почти треть шла на военные расходы. Это вдвое больше, чем у СССР в разгар «холодной войны». При этом бюджет на треть базировался исключительно на иностранных займах и на притоке иностранных капиталов в хозяйство. При этом доходило до смешного. Французские банки давали кредиты на строительство железных дорог при условии, что строить их будут под контролем французских штабистов. Чтобы мы хоть мобилизацию провести смогли.

Кстати, крестьяне, составляющие семьсот семьдесят человек на тысячу населения империи, присутствовали в бюджете только как налогоплательщики. И вообще русскому человеку по уплате налогов оставалось примерно вдвое меньше, чем немцу и англичанину, и втрое меньше, чем французам. И это не про крестьян, о которых позже.

Конец девятнадцатого века в России стал периодом бурного экономического подъема. Появляются все новые промышленные предприятия, банки, железные дороги, акционерные общества. Особенно быстро растет тяжелая индустрия. А удачная финансовая реформа Витте стабилизировала национальную валюту. Государство защищает отечественного производителя высокими таможенными пошлинами, препятствуя конкуренции более качественных и дешевых зарубежных товаров.

При этом в России очень сильно ощущается недостаток капиталов. Вспомнилось, как Касьянов, а через него другие купцы Сибири и Дальнего Востока просили цесаревича еще семь лет назад организовать в Благовещенске и Хабаровске отделения Государственного банка, так как своих денежных средств для дальнейшего развития региона у них уже не было. Однако и у государства, несмотря на большой резерв в Госбанке, свободных средств не было, что привело к притоку финансового капитала из-за рубежа.

Европа, привлеченная высокими дивидендами в пятнадцать-тридцать процентов, охотно давала кредиты. Банкиры Парижа и Лондона предлагали русским займы под фантастически низкие проценты. Это приучило российских промышленников к легким деньгам.

В одна тысяча восемьсот девяносто девятом году после продолжительного подъема в Европе и Англии начался денежный кризис. Стесненность денежного рынка вызвала необходимость повышения процентных ставок и резко сократить денежные потоки за рубеж. В результате Государственный банк Российской империи вынужден был поднять с первого января одна тысяча девятисотого года учетный процент с пяти до семи. Вслед за этим частные банки из-за трудностей получения кредита за границей не только увеличили проценты под ссуды, но и сократили кредитование, учет векселей, стали требовать скорейшего возврата кредитов. Но еще до этого началось падение курса акций на бирже. В девяносто девятом году почти одновременно рухнули два мощных банковско-промышленных объединения – Мамонтова в Москве и фон Дервиза в Санкт-Петербурге, и пошла цепная реакция банкротств.

Правда, за банкротством Мамонтова усиленно так просматривались ушки Витте и его родственников. Доказать не докажешь, но сторожок поставим и понаблюдаем дальнейшее развитие этой ситуации. Компромат на Сергея Юльевича нам не помешает.

В целом по стране стеснения в кредите привели к затруднениям в расширении производства товаров. Производители также прекратили выдачу своей продукции в кредит. В итоге возникли проблемы со сбытом, так как торговцы не имели достаточных средств для полной предоплаты товаров. Избыток товарной массы вызвал ускоренное падение цен, которое продолжается и по сей день.

Дошли уже до того, что реализованная продукция не покрывает даже ее себестоимости. «Дутые» предприятия развалились в самом начале кризиса, но сейчас на грани краха оказались даже самые солидные фирмы.

Это не мои выводы, у меня на такое мозгов не хватит, несмотря на всё послезнание. В Аналитическом центре потихоньку собираю специалистов-профессионалов, пользуясь тем, что помню из будущего-прошлого. Так, на глаза попалось прошение о выезде за границу находящегося под надзором полиции некоего Струве Петра Бернгардовича. В общем, в голове щелкнуло. Фамилия была знакомой, но чем конкретно – не вспомнил и до сих пор. Но раз отложились, значит, человек в том моем мире точно что-то совершил исторически важное.

Изучил личное дело на Струве. Юрист, экономист, издал книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», которая стала «символом веры» социал-демократов в России. В одна тысяча восемьсот девяносто шестом году участвовал в Лондонском конгрессе Второго Интернационала. Написал аграрную часть доклада российской делегации, с которым выступил Плеханов. В девяносто девятом году в напечатанной в Германии на немецком языке работе «Марксова теория социального развития» подверг критике взгляды Маркса на неизбежность социальной революции. Также осудил радикальные методы революционной борьбы и склоняется к постепенному преобразованию России путем плавных реформ.

Встретились, поговорили, нарисовал Петру Бернгардовичу картину возможности его работы по анализу финансово-экономического состояния в Российской империи и за рубежом, а выводами и рекомендациями влиять на решения императора. Как результат – у меня в центре отличный юрист и экономист с кучей знакомств в среде теоретиков-революционеров за рубежом.

По прогнозам Струве Российская империя, как и другие страны, скатывается в экономический кризис, который приведет к банкротству огромного количества предприятий, ударит по социально-экономическому положению промышленников, купечества, рабочих, что вызовет усиление революционной борьбы.

Особенно сильно от кризиса, по словам Петра Бернгардовича, пострадает тяжелая промышленность. Легкая также понесет урон, но в меньшей степени, что объясняется наличием рынков сбыта за границей, более устойчивым спросом на ее продукцию внутри страны и меньшей зависимостью от иностранного капитала.

Как способ преодоления кризиса Струве предложил через Государственный банк скупать акции наиболее крупных и нужных компаний, предприятий, которым угрожает крах. Оказывать предприятиям и обществам адресную финансовую помощь. Ограничить государственные заказы за границей и, если имеется производственная возможность, передать их русским заводчикам.

Данные выводы и предложения нашли горячий и положительный отклик у господина Витте и его министерства. «Попилить» бюджетные деньги, видимо, любили во все времена. И не только чиновники.

Имея такую базу под рукой, тяжело было бы удержаться от сбора материалов на всех более или менее значительных лиц в государстве. Вот и я не удержался. Начал потихоньку

собирать досье на великих князей, включая и те сведения, когда они путали государственный или общественный бюджет с собственным карманом.

Впереди всех в этом вопросе был, конечно, генерал-адмирал Алексей Александрович. Его похождения за границей, где всегда ждали щедрого и расточительного князя, каждый год заканчивались громкими скандалами. В самых лучших отелях для него и его свиты снимались целые этажи. Когда обедал в ресторанах, прочую публику туда не пускали. При его выходах или выездах на прогулку полиция перекрывала дороги. А в народе шептались: «Проститутки Парижа слишком дорогие. Ежегодно обходятся русской казне в броненосец». Сейчас в столице обсуждалась связь Алексея Александровича с Элизой Балеттой, «приглашенной» во французскую труппу Михайловского театра.

Как удалось установить через князя Урусова, Элиза Балетта начала свою карьеру служанкой в одном из парижских отелей. Затем пробовала себя в кордебалете и на театральной сцене. Но в Париже толстой, бездарной, но смазливой красотке мало что светило. И тут, по словам Льва Павловича, к ней в постель попадает русский великий князь, который потом везет ее в Россию, осыпает бриллиантами стоимостью с хороший военный корабль, протезирует в Михайловский театр.

Дальше всё уже происходит на глазах столицы. Под покровительством Алексея Александровича Элиза танцует и играет, интригами, скандалами выживая конкурентов, становится примой. Но ей мало сцены, и Элиза влезает не только в постель, но и в военно-морские дела своего «кошелька с ушами». В приемной ее роскошного особняка толкуются купцы и промышленники, норовящие через нее добиться выгодных подрядов для флота. Там уже неоднократно побывали и Буров, и Зарянский, и Горелов, фиксируя посетителей и заводя на них досье.

Великий князь Владимир свет Александрович также отличился и является постоянным поводом для сплетен. Когда было принято решение возвести на месте убийства императора Александра II храм Воскрешения Христова, он стал председателем строительного комитета. Пожертвования на строительство шли и идут со всей России, складываясь в громадные суммы. Распоряжаются этим фондом Владимир Александрович и его супруга Мария Павловна. И по слухам, муссируемым в народе, постоянно «золотят ручку» в народных пожертвованиях. Как бы проверочку работы этого фонда осуществить?!

Мои размышления прервал звук открываемой двери. Увидев входящего в купе Николая, встал с дивана, застегивая крючки на ворот мундира.

– Сидите, Тимофей Васильевич. Без чинов. Чем занимаетесь? – произнес император, опускаясь рядом со мной на диван.

– Если честно, Николай Александрович, то бездумно перевариваю обед.

– Так обед подавали два часа назад!

– Да я с бумагами заработался. Если бы не денщик – совсем бы про него забыл.

– А что за бумаги? – поинтересовался Николай.

– Отчет моего управляющего по имению с поэтапным описанием того, что он делал по его развитию, с экономическими выкладками. Вы же просили для ознакомления, после того как я подал справку о положении крестьян.

– Да уж! Эти ваши справки! Мне уже страшно их читать. Берешь доклады губернаторов, данные статкомитета... Всё как бы хорошо. Страна развивается, губернии двигаются вперед, экспорт наших товаров растет. И тут как ушат холодной воды на голову ваша аналитика. И ведь перепроверял потом цифры – всё правильно, – Николай раздражённо махнул рукой. – Но тогда получается, страна катится в экономическую пропасть.

– До пропасти, конечно, еще далеко, но аграрный и в первую очередь земельный вопрос надо решать безотлагательно. Иначе постоянный голод так и будет терзать Нижнее Поволжье, Новороссию, нечерноземные губернии от Калуги до Пскова, то есть почти половину России. С учетом роста населения в крестьянской среде голод в двадцати девяти губерниях, который был

в девяносто первом и в девяносто втором году, покажется цветочками. А горькими ягодами станут массовые беспощадные голодные бунты, – я говорил горячо и убежденно.

Та информация, которую я получил из статистического комитета МВД по крестьянам, была не менее страшная, чем детская смертность. Точнее, детская смертность и была такой высокой из-за того, что почти пятьдесят процентов населения России жило впроголодь или голодало.

Тридцать две губернии находились не только в зоне рискованного земледелия, но и крестьяне там имели на семью всего три-четыре десятины земли. Неурожаи, обусловленные природно-климатическими условиями, малое количество земли, рост населения в этих губерниях, приводящий к аграрной «перенаселенности», задолженности по выкупу земли, по налогам, слабая транспортная инфраструктура, не позволяющая оперативно перебрасывать излишки хлеба из одного региона страны в другие, техническая отсталость сельского хозяйства и низкая урожайность часто приводили крестьян к голоду.

Впервые с этим я столкнулся, когда получил от покойной императрицы Марии Федоровны мызу в Курковицах под Гатчиной, дававшую две с половиной тысячи рублей годового дохода. Рядом с мызой стояла бывшая владельческая деревня Курковицы из двенадцати дворов, в которых проживало двадцать пять лиц мужского пола и тридцать женского, а ревизских душ или налогоплательщиков было только двенадцать по числу дворов. И на каждую такую душу отводилось только три с половиной десятины земли, которые они в то время так до конца и не выкупили.

Для сравнения, в Амурском войске казаку было положено двадцать десятин. Когда был жив дед, а все его трое сыновей стали разрядными казаками, нашей семье нарежали в Ермаковской пади восемьдесят десятин земли, то есть на каждого из восьми человек, носящих фамилию Аленин, приходилось больше десяти гектаров. В Курковицах на душу приходилось меньше восьмидесяти соток. Отсюда было их бедственное положение без всяких неурожаев.

Доставшийся мне управляющий мызы или усадьбы Сазонов Александр Иванович на пальцах объяснил, как жители Курковиц докатились до такой жизни.

По акту «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», утвержденному Александром II, все крестьяне переставали числиться крепостными, но теперь стали считаться временнообязанными, потому что, получив личную свободу, они не получили свободно и безвозмездно основные средства для своей деятельности, то есть землю.

В результате этой реформы Александра Освободителя, чтобы ему пусто было, помещики остались собственниками всей принадлежащей им земли. Крестьяне могли выкупить земельный надел, который помещик обязан был им выделить. Каждая местность устанавливала свой минимальный и максимальный земельный надел. В Петербургской губернии он соответствовал трем с половиной десятинам на ревизскую душу.

Выкупить свой земельный надел крестьяне должны были в течение сорока девяти лет, для чего государство выделяло им ссуду под шесть процентов годовых. Двадцать процентов суммы за надел ревизская душа должна была внести сразу, а остальные восемьдесят процентов в течение установленного манифестом срока. Представляете, какие проценты за полвека набегает? А если еще штрафы за просроченные платежи?!

До тех пор пока вся сумма не была погашена, крестьяне считались временнообязанными и должны были отбывать барщину или платить оброк. Сумма оброка для каждой губернии устанавливалась отдельно. Как ни странно, но самые высокие были назначены в Петербургской губернии, хотя большая часть земель здесь считалась неплодородной. В черноземных губерниях оброк был значительно ниже.

Во временнообязанном состоянии крестьяне должны были находиться, пока не завершалась сделка по выкупу земли. Поначалу этот срок не был оговорен, но в декабре одна тысяча восемьсот восемьдесят первого года, по прошествии двадцати лет с принятия Манифеста об

отмене крепостного права, установили конкретный срок и постановили, что к январю восемьдесят третьего года все временнообязанные крестьяне должны быть переведены на выкуп. То есть оставшуюся невыплаченную часть за наделы государство выплачивало помещикам, а крестьяне становились должниками казны под те же самые шесть процентов годовых.

Это было бы значительным послаблением для крестьян, если бы не обычная статистика. Чтобы хоть как-то свести концы с концами семье из трех-пяти человек на одну ревизскую душу и оплачивать растущие долги, было необходимо минимум шесть-восемь десятин земли. И земли нормальной, а не той, которую помещики нарезали своим крестьянам после реформы. Как правило, наделы были отгорожены помещичьими землями от угодий, которые были жизненно необходимы в хозяйстве: леса, крупного ручья, речки, пруда, озера, необходимых для водопоя живности и пастбищ. Вот и приходилось общинам, включая и Курковицы, арендовать эти земли за высокую плату.

Последние два хозяина моего имения подняли арендную плату так, что община впала в крайнюю нищету и долги перед казной. Особенно добила меня тогда информация от Сазонова, что после сборов долгов и налогов большинство жителей деревни Курковицы разойдутся по губернии кусочничать или на отхожий промысел. Иначе до весны не доживут. И это было так!

Крестьяне в основном сажали рожь и ячмень, как наиболее устойчивые к неблагоприятным климатическим условиям. Средняя урожайность этих зерновых составляла сорок пять – пятьдесят пудов с десятины. Цена же за пуд составляла шестьдесят копеек. Таким образом, с одной десятины можно было получить при благоприятных условиях тридцать рублей. С трех с половиной – сто рублей. Какое уж тут трехполье и истощение земли?! Хотя что-то собрать!

При этом надо было заплатить аренду, налог, обязательный процент за выкупаемую землю и как-то прожить год семье минимум из трех-пяти человек. Вот и оставались в Курковицах поздней осенью совсем малые да старые, а остальные жители отправлялись искать пропитание, кусками побираться. А те, кто оставались, как правило, питались хлебом пополам из ржи да лебеды. Как говорили в народе: «Не то беда, что во ржи лебеда, а то беды, как ни ржи, ни лебеды».

Плюс к этому зерновые были тем экспортом в Европу, за счет которого пытались оплатить «индустриализацию» Российской империи. Символом этого подхода послужила приписываемая министру финансов Вышнеградскому фраза, вырвавшаяся у него весной одна тысяча восемьсот девяносто первого года, когда при надвигающемся неурожае он стал опасаться потерь золота за экспорт и произнес: «Сами не будем есть, но будем вывозить».

И вывозили. С одной стороны, не так и много, в среднем всего-то восемь-десять процентов от общего урожая зерновых в три – три с половиной миллиарда пудов, что составляло максимум триста пятьдесят миллионов пудов на двести пятьдесят – триста миллионов рублей. Но это уменьшало количество зерновых на душу населения на два с половиной пуда, которые могли бы спасти от голодной смерти множество людей.

Упомянули со Струве в аналитической записке мнение Александра Николаевича Энгельгардта, который еще двадцать лет назад писал, что Америка продает избыток зерна, а Россия экспортирует зерно, которого не хватает даже для питания детей. Для достижения россиянами уровня жизни американцев зерна нужно производить в два раза больше, для чего необходимо широко применять органические и химические удобрения, современные машины, грамотный севооборот и высокопродуктивные сорта зерновых. Как пример, Энгельгардт приводил опыт САСШ, где девять миллионов человек, занятых производительным трудом в сельском хозяйстве, используя последние научно-технические достижения, выдавали в два раза больше, чем шестьдесят-семьдесят миллионов в Российской империи.

Когда Николай ознакомился с данной справкой, попросил меня предоставить сведения о том, как я устроил всё в своих имениях. Пришлось озадачить Сазонова. И вот неожиданный визит императора во время поездки.

Выслушав мою горячую речь, самодержец спокойно спросил:

– И что написал вам управляющий?

– Николай Александрович, если кратко, то Сазонов в свое время в Курковицах, утвердив у меня свой проект, погасил долги казне за наделы общины. Затем установил на наделы твердую цену без всяких процентов. Ввел крестьянские наделы в общий план пашен. Крестьяне должны были отрабатывать стоимость долгов за свои участки и урожай на них наемным трудом. В общем, та же барщина, но по нормальным фиксированным расценкам, которые стимулировали крестьян в их труде... – я сделал небольшую паузу, взяв бумаги управляющего в руки, после чего продолжил: – С учетом того, что в общине осталось всего по одной кляче на два двора, а четыре упряжные лошади в имении были не моложе двенадцати лет, управляющий закупил жеребца и трех кобыл жмудской породы, металлический трехлемешный колесный плуг, борону, еще что-то из инвентаря для обработки пашни. Двенадцать дойных коров к шести имеющимся, механическую маслобойку, маслообработчик для производства масла. Построил общий коровник, где за каждой коровой закрепил один двор деревни. Разделил поля под засев зерновыми и картофелем, другими культурами. Я об этом вам еще в Хабаровске рассказывал.

– Я помню, Тимофей Васильевич. А где экономические показатели?

Передал императору часть листов из доклада Сазонова. Николай углубился в чтение. Закончив читать, самодержец задумчиво уставился в стенку купе.

– Почти пять тысяч рублей единовременных вложений на шестьдесят семь душ обоего пола. Дороговато... – медленно произнес император.

– И полноценно они окупались через пять лет, Николай Александрович. Вложения во второе имение дали положительные значения через четыре года. При этом я считаю, что мне просто повезло с управляющим. Он оказался честным человеком, грамотным специалистом и фанатиком своего дела. Тем более, я как бы не нуждался в этих деньгах и мог себе позволить провести этот эксперимент, чего большинство из хозяев небольших имений не могут себе позволить, так как это их единственный доход.

– И что же делать? Я жду от новой службы не только критики, но и действенных решений, Тимофей Васильевич.

– Пока по крестьянскому вопросу могу сказать, что надо найти человека, который смог бы разработать действенную аграрную реформу.

– Вы нашли такого человека?

– Как мне кажется – да.

– И кто он?

– Коллежский советник и камергер Столыпин Пётр Аркадьевич. Тридцать восемь лет, прекрасно образован, служит мировым судьей в Ковно, является председателем Сельскохозяйственного общества, которое, по сути, взяло под контроль и опеку всю местную хозяйственную жизнь. Главными задачами общества провозглашены просвещение крестьян и увеличение производительности их хозяйств. Основное внимание уделяет внедрению передовых методов хозяйствования и новых сортов зерновых культур. Я думаю, он и Струве смогут разработать проект, который можно будет опробовать в какой-нибудь губернии, прежде чем распространять реформу по всей России.

– У вас есть на него досье?

– Да, Николай Александрович. Но оно осталось в Гатчине. Я просто не ожидал, что вы поднимите этот вопрос сейчас. Думал, после коронации.

– Да я и сам не знаю толком, зачем к вам зашел. Муторно мне, беспокойно на душе. И Елена Филипповна вся напряжена. Почти полгода в замке, как в осаде, просидели. Меня уже, как отца, начали называть «гатчинским затворником», – Николай грустно усмехнулся. –

И здесь эта поездка. Множество людей и страх... Жуткий страх за Лену и детей. Вдруг кто-то, как и мы, решится коронацию расстрелять или взорвать.

– Ваше императорское величество, заверяю вас, что всё возможное для вашей охраны во время коронации в Москве сделано. Задействованы все силы вашего конвоя, дворцовой полиции, моего центра, отдельного корпуса жандармов и полиции. Отчет о проведенных и планируемых мероприятиях вам был представлен перед отъездом.

– Да знаю я всё, Тимофей Васильевич. Всё равно беспокойно на душе. А тут еще ваши панцири для меня, Елены и детей. Эти бронированные кареты.

– Николай Александрович, вы же сами видели эффективность защиты панцирей капитана Чемерзина и его брони, которой укрепили стенки и полы карет. Всё это значительно повышает шанс выживания.

– Вот именно, Тимофей Васильевич, выживания! Я, император Всея Руси, выживаю!

«О-о-о, как торкнуло его императорское величество. Или у него тоже чуйка заговорила?! Тогда надо будет еще раз всё проверить», – подумал я про себя, пока Николай продолжал вещать.

– И эти ваши требования по охране в соборе, на пиру, при встрече с народом на Ходынском поле! Вы что-то скрываете от меня с Евгением Никифоровичем?!

– Ваше императорское величество, – я вскочил с дивана и вытянулся в струнку, – это только усиленные меры охраны вас и вашей семьи в свете событий, произошедших полгода назад. Береженого Бог бережет. Какой-то информации о готовящемся на вас покушении – нет.

Император поднялся и сжал ладонью мое левое плечо.

– Не обижайся, Тимофей Васильевич. Сам не знаю, что на меня нашло.

– Николай Александрович, у меня такое тоже бывает. Я такое чувство и состояние «чуйкой» называю. Неоднократно мне жизнь спасала, – на пару секунд задумавшись, продолжил: – На следующей станции в Твери делаем остановку и вперед отправляем поезд с посудой и прочим инвентарем для коронации. Сами отправимся следом.

– Вас что-то насторожило, Тимофей Васильевич?

– Нет, Николай Александрович. Но я привык доверять не только своей «чуйке», но и такому же чувству у других. Вы не можете понять, что вас гнетет, но ожидаете какой-то неприятности. Причем сильной. Будто бы знаете, что вот по этой дороге идти нельзя. Так?

– Похоже.

– Поэтому и поступим так, как я предложил.

– Хорошо, я согласен, – император отпустил мое плечо и будто бы прислушался к себе, после чего добродушно улыбнулся. – А знаете, Тимофей Васильевич, меня отпустило. Как-то спокойно стало на душе.

– Значит, мы приняли верное решение. Надо только будет всех людей с того поезда в наш пересадить. Если что, дополнительный вагон прицепим.

Так и поступим. Командуйте от моего имени, Тимофей Васильевич, – с этими словами император покинул купе, а я последовал за ним.

Глава 2

Река Липня

Выйдя из купе, Николай направился в свой вагон, а я же пошел по коридору в противоположную сторону. Мне надо было срочно посетить генерал-майора Ширинкина, чтобы обсудить и спланировать наши действия в Твери.

Пока шел до купе Евгения Никифоровича, вспомнил, как нашел еще одного специалиста-фанатика – капитана запаса Авенира Авенировича Чемерзина. Точнее, не только его. Но обо всем по порядку.

Ещё в январе месяце после возвращения из Англии и получения плюшек, но до создания центра, в один из вечеров задумался я над тем, а не сделать ли нам автомат с учетом имеющихся технических возможностей в этом мире, ну и людского потенциала. В голове сразу же всплыла фамилия Федорова и его самозарядная винтовка-автомат. После долгого изнашивания своего мозга удалось вспомнить, что сейчас уже, кажется, творят Токарев и Дегтярёв. Попросил Ширинкина узнать информацию об этих людях.

Каково же было удивление, когда выяснилось, что двадцатидвухлетний Дегтярёв Василий Александрович служит в оружейной мастерской ораниенбаумской Офицерской стрелковой школы, где я был частым гостем. Поехал знакомиться с тем человеком, который в моем мире создал ПТРД – противотанковое ружье, ДП-27 – пулемет Дегтярева пехотный, крупнокалиберный пулемет, тот самый ДШК-38 и знаменитые пистолет-пулемет ППД различных модификаций и ручной пулемет РПД-43, ротный пулемет РП-46, авиационные и танковый пулеметы. Стал Героем социалистического труда и получил четыре Сталинских премии.

Познакомились. Немного пообщался, отметив для себя приличные знания и навыки по оружейному делу. Начальник школы подполковник Филатов Николай Михайлович в личной со мной беседе отметил «золотые руки» слесаря-оружейника, из-за чего молодому солдату доверяют ремонт даже пулеметов. Он же с иронией рассказал, что пришло письмо от капитана запаса Чемерзина с предложением испытать на полигоне школы панцирь для солдат, который не берет пулю. Николай Михайлович посмеялся, а я взял на заметку. И уже через несколько дней беседовал с изобретателем бронежилета в этом мире.

Авенир Авенирович оказался фанатиком от науки, но с практическим уклоном. Окончив математический факультет и Михайловское инженерное училище, он преподавал математику, занимался химией, и ряд опытов натолкнул его на мысль об изготовлении панцирей или кирас из особо прочной легированной стали, которые могли бы держать пули и осколки. Используя хром, никель, платину, серебро, иридий, ванадий и многие другие металлы и добавки, Чемерзин создал сплав, который, по его словам, крепче стали в три с половиной раза и в два раза легче. В результате миллиметровую пластину из его сплава пули из различных револьверов не пробивали с трех шагов.

С учетом того что деньги на свои опыты он в своей основе брал займы и долг накопился немаленький, изобретатель хотел предложить военному ведомству боевые панцири, кирасы для сохранения жизней офицеров и солдат, разумеется, не бесплатно. Когда Авенир Авенирович озвучил стоимость самой дешевой кирасы, закрывающей только грудь, я невольно присвистнул. Цена кусалась, и вряд ли военные такое примут, а вот для царствующих особ и их охраны сплав Чемерзина надо обязательно использовать.

Спустя три месяца Николай и Елена имели панцири по фигуре весом около четырех килограммов, защищающие грудь, спину и бока, совершенно не заметные под одеждой. Эти произведения искусства уверенно держали пули из всех имеющихся револьверов и пистолетов

с пяти метров, винтовочную также держали, но контузия или перелом ребер были бы обеспечены.

Личников императора одели в бронежилеты подешевле, но также уверенно державшие выстрел из любого револьвера накоротке. Кроме того, пластинами из сплава Авенира Авенировича забронировали три кареты для передвижения императора с семьей.

Я подкинул Чемерзину схему бронежилета для войск из двадцать первого века, и он теперь колдовал над своими сплавами, чтобы значительно снизить себестоимость «панциря», сохранив при этом уровень защиты.

Что же касается Дегтярева, то кроме него я нашел Токарева Фёдора Васильевича, который в звании хорунжего был заведующим оружейной мастерской в Двенадцатом Донском казачьем полку. А капитан Фёдоров оказался вообще под боком. Закончив в августе девятисотого года Михайловскую артиллерийскую академию, служил в артиллерийском комитете Главного артиллерийского управления в должности докладчика оружейного отдела.

Убедив с большим трудом Николая в необходимости создания автоматического оружия хотя бы для спецподразделений в армии, полиции и жандармерии, собрал эту троицу и отправил их к генерал-майору Мосину – начальнику Сестрорецкого оружейного завода. Надеюсь, здесь он не умрет от пневмонии через год, тем более пенициллин уже есть. А вот надежда на то, что эта четверка создаст в ближайшее время автомат, у меня есть? и большая. Подкинул я им несколько идей-схем типа автомата Судаева. Дешево и просто. А так и пистолет ТТ пригодится, и от «светки», то есть СВТ-38/40, я бы не отказался, а еще лучше РПД-43, в крайнем случае ДП-27.

Дойдя до купе Ширинкина, постучал в дверь и зашел. Довел до главного телохранителя распоряжение императора, после чего начали обсуждать наши действия в Твери.

Первоначально планировалось, что поездка в Москву будет осуществляться на трех составах. Первый повезет сотню кубанцев Собственного его императорского величества конвоя под командованием месяц назад «вновь испеченного» генерал-майора Мейендорфа Александра Егоровича, три бронированные кареты, лошадей и прочее. Во втором составе будут следовать императорская семья, включая Михаила и Ксению с мужем, личники, кое-кто из министров, слуги. Третий поезд вез слуг и всякое имущество, которое могло понадобиться при коронации.

Узнав, что поезда пойдут друг за другом, Николай потребовал, чтобы первый состав опережал движение царского поезда на одну станцию. Уговорить его не делать этого не удалось. По поводу открытой охраны и ее усиления новый император придерживался такого же мнения, как его отец и дед, которые считали, что наличие телохранителей – признак трусости императора Всея Руси и его закрытости от своего народа. И вообще, не царское это дело – с охраной ходить. Даже смерть родителей, брата, сестры и три, а точнее? уже четыре покушения на него самого не сильно повлияли на отношение Николая к охране его императорской тушки.

И вдруг такое изменение в поведении императора. Ширинкин даже не выдержал и поинтересовался у меня:

Тимофей Васильевич, что случилось? Почему его императорское величество принял такое решение?

– Евгений Никифорович, если бы я знал ответ. Я такое состояние, которое было у императора, называю предвидением беды. Как бы никакой реальной угрозы и нет, а человек интуитивно чувствует, что вот-вот произойдет что-то страшное и непоправимое. У самого такое иногда бывает и несколько раз уже жизнь спасало.

– Что же, для меня это к лучшему. А то помните, как он меня отчитывал за то, что состав с конвоем пойдет перед императорским поездом, да еще с бронированной платформой с пулеметами впереди?!

– Помню. Надо будет отправить из Твери в Клин депешу, чтобы состав с конвоем дожидался нас там. Спокойнее будет.

– Согласен. А теперь слушаю ваши предложения по нашим действиям в Твери.

После обсуждения моих предложений пришли к общему знаменателю: состав с конвоем остановить в Клину, перед царским поездом от Твери пустить состав с имуществом для короны. Слуг из него пересадить в два вагона, которые присоединить к царскому составу. На паровозах разместить снайперов – Лешего и Шило. Вместо лакеев в «товарном» составе отправить десяток личников и остальных братьев-инструкторов.

После суеты в Твери наш состав отправился в путь следом за поездом-ловушкой. Я находился в купе у Ширинкина, но разговор между нами не клеился. Оба больше молчали, напряженно ожидая чего-то. И это что-то случилось. Звук взрыва, резкое торможение поезда и его остановка.

Вместе с Евгением Никифоровичем выскочили из купе, а потом из вагона. Поезд-ловушка стоял впереди метрах в четырехстах. Ни паровоз, ни один из вагонов не сошел с рельсов. В воздухе перед составом рассеивался дым от мощного взрыва. А между тем на насыпи дороги впереди состава собиралась группа личников в алых черкесках, среди которых выделялись черные мундиры братьев-инструкторов. Судя по всему, казаки пытались перебраться на другой берег реки через разрушенный взрывом мост. Как хлыст ударил выстрел из карабина, затем еще один, еще. Потом послышались частые выстрелы, как мне показалось, из пистолета «Маузер К96». Снова выстрел из карабина, и тишина.

– Евгений Никифорович, я туда, – произнес я и сбегал с насыпи, еле удержавшись на ногах, после чего рванул вдоль дороги к поезду-ловушке. Оглянувшись назад, увидел, что Ширинкин не рискнул повторить мой маневр, а начал движение по шпалам. Из императорского вагона выпрыгнуло на землю несколько конвойцев, а потом на лестнице вагона показался Николай, которого словами «опасно», «не надо покидать вагон» пытался остановить подбесаул Хмара, чей бас слышен был даже мне, а я удалился метров на сто.

Наконец я оказался перед паровозом состава-ловушки. Как и предположил, поезд остановился метрах в двадцати от взорванного моста через небольшую речку. Взрыв был таким мощным, что от малого каменного моста остались только устои, а от пролета длиной около пяти метров узкая, чуть больше метра металлическая дорожка с перилами, которая чудом держалась на устоях. Самого пути не было, он грудой камней и исковерканных рельсов и шпал запрудил речку.

С левой стороны от дороги, за речкой метрах в ста увидел шестерых кубанцев, тащивших от леса к насыпи, судя по всему, два трупа. Еще четырех личников и Лиса с пятью братьями видно не было.

– В лес, в погоню остальные ушли, Ермак, – услышал за своей спиной.

Обернувшись, увидел Лешего, который с перевязанной кое-как головой осторожно спускался по ступенькам из паровозной будки.

– Что случилось, Леший?

– Двигался в кабине паровоза, наблюдая через бинокль за обстановкой вдоль железной дороги. Подъезжая к мосту через речку... Матвеич, как речка называется?! – обернувшись к паровозу, крикнул старший урядник Лесков, чью грудь украшали два знака отличия ордена Святого Георгия третьей и четвертой степеней, а также две медали за храбрость.

– Река Липня, Владимир Михайлович, – донеслось из паровоза, а потом в окне появился машинист лет тридцати. – Ой, извините, ваше высокоблагородие. Не видел, как вы подошли. Что же это такое творится, ваше высокоблагородие?! Ужас! Мосты уже взрывают. Да еще как!!! От пролета ничего не осталось. А это вам не бомбу кинуть!

– До Клина далеко? – пресек вопросом я словоизвержение машиниста, ставя в голове заметку по мощности и профессиональному исполнению взрыва, словно сапер с большим опытом сработал.

– Верст шесть с небольшим будет. До вокзала все семь, – ответил словоохотливый машинист.

– До Твери задним ходом дойдете?

– Как-нибудь дойдем.

Тогда проверяй свой локомотив и готовь его к дальней дороге задом, – попытался я пошутить, на что Матвеич ответил мне грустной улыбкой.

– Продолжайте доклад, урядник, – это уже было сказано Лешему.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – Лесков попытался принять стойку смиренно, но охнул и перекосялся.

Я подскочил к своему названому брату.

– Что случилось? Где болит?

– Наверное, пара ребер треснули, – казак приложил ладонь правой руки под грудь, неглубоко вздохнув. – Кто же знал, что этот железный конь так резко тормозит. Вот и приложило башкой да ребрами о какие-то железяки в будке, когда на ногах не удержался. Ладно, оптический прицел на карабине целым остался.

– Давай-ка сюда садись, – произнес я, усаживая Лешего на ступеньку лестницы в кабину локомотива. – Дальше рассказывай.

– Когда подъезжали к этому мосту, через бинокль разглядел вон там, у леса... – Леший рукой показал на опушку леса, от которой кубанцы тащили трупы, – группу из четырех человек, один из которых стоял на коленях перед подрывной машинкой. Дальше схватил карабин и выстрелил во взрывника, а затем крикнул Матвеичу, чтобы тот тормозил. Потом упал, взрыв. Когда после полной остановки поезда встал на ноги, то увидел, что двое бегут к лесу, а третий что-то делает у машинки. В общем, я в него только с четвертого выстрела попал. Головой хорошо приложило и боком тоже. Если бы он не встал, стреляя из маузера по конвойцам и братьям, которые выпрыгивали из вагона и бежали к мосту, я бы его не достал. После каждого выстрела скрючивало от боли.

– Молодец, Леший. Готовься солдатского Георгия второй степени минимум получить, а то и чего повыше.

Пока Лесков докладывал, я снял у него повязку с головы, которую Вовка намотал сам себе. Ничего особого страшного не было, большой шишак и рассечение. В это время до нас добрался Ширинкин. Увидев генерала, Лесков попытался вырваться из моих рук и вскочить, но я его удержал, а Евгений Никифорович, махнув рукой, мол, сиди, продолжайте, прошел дальше и ошарашенно застыл перед разрушенным мостом. Быстро забинтовав Лешему голову, я подошел к Ширинкину.

– Вот и предвидение беды, Евгений Никифорович, – тихо произнес я, глядя на то, как казаки с трудом взбираются на насыпь с трупами на руках.

Лицо Ширинкина, когда он повернулся ко мне, было бледно-серого цвета, будто от него отлила вся кровь.

Тимофей Васильевич, вы представляете, что было бы, если бы по распоряжению его императорского величества мы бы не поменяли составы, а в будку паровоза не посадили бы вашего лучшего стрелка-инструктора? – еле разлепляя губы, просипел генерал.

– Император умер, да здравствует император... Император Владимир Первый, – глядя перед собой, мрачно проговорил я.

Главный телохранитель вскинулся, будто бы его ужалили в одно место, а потом как-то весь сдулся.

– Ваше превосходительство, надо как-то этот мосток укрепить, а то с покойниками мы к вам не переберемся, – прервал наш разговор один из казаков.

Пока машинист поезда с кочегаром и казаками укрепляли переход через разрушенный мост, нам с Ширинкиным с трудом удалось заставить Николая вернуться в императорский поезд, мотивируя это тем, что на путях может быть заложен еще один заряд.

После того как император направился назад к своему вагону, я и Евгений Никифорович вернулись к мосту. Казаки к этому времени уже переправили на нашу сторону тела двух убитых.

– Вот этот был взрывником, – Леший указал на молодого человека лет двадцати, – а вот этот потом пытался что-то сделать с подрывной машинкой и стрелял из маузера. Двух других особо не рассмотрел, но показалось мне, что из военных. Когда я выстрелил во взрывника, они залегли, а к лесу бежали, пригнувшись и петляя, как зайцы.

Я смотрел на мужчину лет тридцати – тридцати пяти и ловил себя на мысли, что он мне кажется знакомым.

– А я его знаю, – услышал я за спиной голос подошедшего Кораблева и резко развернулся.

– И кто он, Николай Алексеевич?

– У нас в архиве он проходит как Толстый. Засветился в Германии среди революционеров русского происхождения еще в одна тысяча восемьсот девяносто третьем году. Кстати, в Швейцарии встречался с товарищем Степаном. Помните такого, Тимофей Васильевич? – задал вопрос коллежский асессор.

– Помню, хорошо помню, – с недоброй усмешкой ответил я начальнику агентурной части Дворцовой полиции. – А имя и фамилия у этого Толстого есть?

– Азеф Евно Фишелевич, или Евгений Филиппович...

– Мать твою, – рявкнул я, перебивая Кораблева, который вместе с генералом удивленно уставился на меня.

– Евгений Никифорович, давайте отойдем в сторону. Не обижайтесь, Николай Алексеевич, но это не ваш уровень информации.

Когда мы молча отошли с генералом, где нас никто не мог услышать, я произнес:

– Азеф – секретный сотрудник Департамента полиции.

На этот раз Ширинкин побагровел так, что мне показалось, что его сейчас хватит удар. Пару раз глубоко вздохнув и выдохнув, генерал каким-то убитым голосом спросил:

– Это точно?

– Окончательный ответ на это даст Сергей Эрастович². Насколько мне известно, он проходит у них под псевдонимом «Раскин». Я месяца два назад запрос в Департамент полиции отсылал по социалистам с просьбой представить информацию, кто их освещает за рубежом. Один из секретных сотрудников – Азев или Азеф Евгений Филиппович. На фото он, правда, помоложе был. Вот и показался мне знакомым, – произнося это, про себя подумал, что основным интересом при запросе было выяснить, а есть ли в этом мире Азеф и не к нему ли собрался Боря Савинков, детский друг моей невесты.

– Кстати, не вспомните, а какой пост занимал господин Зволянский в девяносто третьем году? – спросил я генерала.

– Исполнял дела вице-директора Департамента полиции, – всё так же убитым голосом ответил Ширинкин.

– И курировал особый отдел, то есть дела с агентурой? – уточнил я.

– Да, – Евгений Никифорович как-то странно посмотрел на меня. – И что будем делать?! Насколько я знаю, Сергей Эрастович частый гость у великого князя Владимира Александровича.

² Действительный статский советник Зволянский Сергей Эрастович – директор Департамента полиции с 1897 года.

«И в девяносто третьем году дружки и подруга товарища Степана дважды очень хотели убить цесаревича Николая. Интересная цепочка выстраивается», – пронеслось в моей голове, но озвучил другое:

– Для начала я хочу проверить, нет ли, действительно, еще одного фугаса в полотно. Как доложил старший урядник Лесков, этот Азеф не убежал, как остальные, в лес, а пытался что-то сделать с подрывной машинкой.

Так вы, Тимофей Васильевич, не лгали его императорскому величеству, когда говорили про второй заряд? – удивленно спросил генерал, а потом как-то опасливо посмотрел себе под ноги.

– Про то, что такая угроза есть, – нет, не лгал. Действительно, надо проверить. А вы пока решите с его императорским величеством, что делать будем. Мост за день, да и за два не восстановить. Предлагаю, как только из погони вернется хорунжий Селивёрстов, отправить его в Клин к генералу Мейендорфу. Пускай

Александр Егорович прибудет сюда с полусотней конвойцев и тремя каретами. Доставим императора с членами семьи в Клин, а из Москвы запросим поезд генерал-губернатора.

Ширинкин задумался, а потом вынес свой вердикт:

– Так и поступим. А на чем хорунжий доберется до города?

– Евгений Никифорович, здесь до вокзала семь верст. Для Романа Петровича и инструкторов это меньше часа бега. Одно-то я его не отправлю. Тем более, Александр Егорович хорунжего и братьев прекрасно знает.

– Это точно. Их казаки-кубанцы, да и терцы после совместных тренировок черной смертью прозвали. И сильно зауважали. Жалко, в свое время Головачёв и Сердюк, вернувшись с Дальнего Востока, не смогли организовать такие тренировки. В общем, действуйте, а я пошел с его императорским величеством вопрос о дальнейшем движении в Москву согласовывать. Селивёрстова перед тем, как в Клин отправить, мне на инструктаж представьте.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

Про черную смерть и черную форму... Когда встал вопрос о том, что будут носить военнослужащие и гражданские чины Аналитического центра, немного решил похулиганить. С учетом того, что столичная полиция носила форму черного цвета, решил остановиться на таком же, но вот фасон несколько изменить. Модернизировать, так сказать.

И теперь мои головорезы-курсанты, братья-инструкторы, офицеры, как и я, щеголяли в форме корниловского ударного полка из будущего моего мира, только у офицеров погоны были серебристого цвета с белыми просветами, у рядового и унтер-уряднического состава черного с серебристым кантом и лычками. На погонах – наложенные друг на друга буквы «А» и «Ц». Фуражки полностью черного цвета с белым кантом, с установленными кокардами на околыше и серебристой Адамовой головой на высокой тулье и на эмблеме Аналитического центра на левом рукаве мундира.

Эмблему и Адамову голову, да и всю форму нарисовал по моему заказу наш художник-криминалист Куликов Иван Семёнович. Очень стильно получилось. Ко всему этому великолепию черные брюки, хромовые сапоги, кожаная портупея с двумя галунными плечевыми ремнями из темной кожи и с серебристой пряжкой.

Форма для гражданских лиц пока разрабатывалась, но я прикидывал что-то типа черного мундира с белой рубашкой и галстуком. Да и парадную форму для офицеров как-то так же представлял. Но это было не к спеху. Других забот был полон рот.

Где-то через час, когда Лис после инструктажа у императора и Ширинкина убыл с верительными письмами-приказами к Мейендорфу, я докладывал Николаю первичные результаты расследования. Кроме императора в купе присутствовали генерал Ширинкин и муж Ксении великий князь Александр Михайлович.

Как я и предположил после рассказа Лешего, второй заряд-фугас наличествовал, и располагался он метрах в пятидесяти от моста. Если бы царский поезд на полном ходу влетел в разрушенный мост, то второй заряд окончательно добил бы всех оставшихся в живых. Мало того, фугас в виде металлического ящика размером метр на полметра и неизвестно какой глубины или высоты был заложен и забутован профессионально и, как мне показалось, с хитростью на неизвлекаемость. Поэтому я только обрезал саперный электропровод, ведущий от подрывной машинки террористов к этому заряду.

Услышав, что двух зарядов гарантированно хватило бы на то, чтобы уничтожить тех, кто ехал в царском вагоне и рядом с ним, великий князь воскликнул:

– Что я тебе говорил, Ники?! А ты не хотел мне верить, а если бы не успели?! Сейчас бы трупами были! Все!

Я и Ширинкин ошарашенно уставились на зятя и друга императора.

– Господа, – император по очереди посмотрел на генерала и меня, – всё, что вы сейчас услышите, не должно уйти дальше этого купе.

Из дальнейшего рассказа императора выяснилось, что тот пришел ко мне в купе в маятном состоянии после того, как Сандро в очередной раз поведал ему о том, что великий князь Кирилл Владимирович перед отъездом на коронацию в Москву, перебрав адмиральского чая, ляпнул в кают-компании черноморского эскадренного броненосца «Ростислав», где служил вахтенным начальником, что еще не известно, кого короновать будут.

А великий князь Александр Михайлович был командиром этого броненосца, и эти слова до него довели. Сандро же об этом рассказал Николаю еще перед отъездом из столицы. Перед Тверью об этом поговорили еще раз, и только после этого император дошел до меня. Вот такое «предвидение беды», мать его.

– Евгений Никифорович, вы об Азефе докладывали? – спросил я Ширинкина.

– Что за Азеф? – поинтересовался император.

– Человек, который пытался осуществить подрыв второго заряда и отстреливался из маузера, опознан коллежским асессором Кораблевым как Азеф Евгений Филиппович. В архиве Дворцовой полиции он проходит под псевдонимом «Толстый». Первый раз был замечен в связях с революционерами в Германии в одна тысяча восемьсот девяносто третьем году. В Швейцарии встречался с товарищем Степаном, который в том же году организовал на вас два покушения, ваше императорское величество.

– Да... Серьезный товарищ, – с нервной усмешкой произнес Николай.

– Это еще не всё, ваше императорское величество. С того же девяносто третьего года товарищ Азеф в Департаменте полиции числится как их секретный сотрудник под псевдонимом «Раскин».

Я сделал паузу, которой немедленно воспользовался Сандро.

– Ну это... Это... – великий князь не выдержал и отпустил хороший морской загиб про морского ежа, у которого в одном месте торчит якорь, дальнейших морских терминов я не понял. Когда Александр Михайлович закончил выражать свое мнение, я продолжил:

– Кроме того, ответственно заявляю, что заряд, которым был взорван мост, и второй обнаруженный фугас изготовлены и заложены минимум выпускником Николаевского инженерного училища, а то и Николаевской академии. Я не решился обнаруженный фугас до конца разминировать, пускай специалисты разбираются. Боюсь, он с сюрпризами, – я посмотрел на императора и великого князя. – Также урядник Лесков отметил, что на его выстрелы двое сбегавших террористов отреагировали как военные, бывавшие под обстрелом, а хорунжий Селивёрстов отметил их хорошую физическую форму. При преследовании догнать их не смогли. Увидели только две пролетки, которые лошади галопом увозили по дороге в Клин.

– Господа, – император вскинул вверх руку и обвел нас всех какими-то больными глазами, – мне надо побыть одному. Оставьте меня.

Когда вышли из купе и достаточно отошли от двери, Сандро резко развернулся.

– Господин полковник, всё, что вы рассказали Ники, – это правда?

– Да, ваше высочество.

Господин капитан первого ранга и командир броненосца вновь завернул красивый морской загиб.

– Что будем делать, господа? – закончив выражать эмоциональное отношение к произошедшему, поинтересовался Александр Михайлович и продолжил: – Прошу прощения за столь яркое высказывание мнения о сложившейся обстановке, но она того стоит.

Интересный вопрос. Косвенных улик, можно сказать, достаточно, чтобы сделать вывод, кто есть организатор этого покушения, а возможно, и двух покушений на цесаревича Николая восемь лет назад.

Великий князь Владимир Александрович – третий сын Александра Второго, дядя нынешнего императора. Он и его жена – великая княгиня Мария Павловна – роскошью своей жизни, поведением последние лет десять давали понять, что тон в придворном блеске задают именно они, как более подходящие на роль первой пары в государстве. С расходами не считались, любили шикарно жить, давали балы, которые долго обсуждали в столице.

Каждый год на несколько месяцев уезжали без всякой нужды в затратные заграничные поездки, где обставляли свою жизнь по-царски, подчеркивая свою особую значимость в Российской империи, достойную императорского статуса. В Петербурге их дворец был центром сбора слухов и критики действий правивших императоров, вначале Александра III, а теперь пошла информация и о критике Николая. Слова его сыночка, произнесенные в кают-компании, о многом говорили.

Из досье, что было уже собрано мною, Владимир Александрович часто забывал о своих служебных обязанностях, что способствовало росту беспорядков, казнокрадства в подчиненных ему подразделениях, но при этом он оставался командующим войсками гвардии и Петербургского военного округа. И его многие поддерживали из дома Романовых и высшей аристократии, а если взять еще одного дядю Николая – московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, то... Если и он заодно с братом, то нас уничтожат, как мошек!

– Кто Богу не грешен, царю не ответчик. По этому принципу жили мои предки казаки, осваивая Дон. Потом они присягнули царю на верную службу, и я императору Николаю Второму присягу дал, поэтому буду делать то, что должен, а там будь что будет, – произнося эти слова, я твердо смотрел в глаза Сандро.

Великий князь, отведя взгляд, внимательно посмотрел на побагровевшего Ширинкина, который после моих слов кивнул, соглашаясь со мной, и торжественно произнес:

Я с вами, господа.

Глава 3

Трагедия

Уездный город Клин, бывший когда-то по указу Петра Первого почтовым ямом и обслуживающий большое число проезжающих из столицы в Москву и обратно... Вдоль дороги тянулись разнообразные торговые лавки, постоялые дворы, винные погреба, продуктовые склады и другие заведения. Из-за постройки Николаевской железной дороги надобность в ямских перевозках упала, и к концу девятнадцатого века Клин превратился в тихий захолустный городок. Теперь он был представлен Соборной площадью с расположенными на ней каменными торговыми рядами, гостиницей, управой и пожарной каланчой.

Весть о неудачной попытке взрыва царского поезда, в результате которой был разрушен мост через реку Липня, дошла до города, и его жители стояли вдоль дороги, радостно приветствуя кареты, в которых следовал в окружении конвоя спасшийся Николай с семьей и близкими.

Глядя на эту искреннюю радость, верноподданническую любовь клинчан, я думал о том, что же должно было случиться в Российской империи, чтобы через шестнадцать лет эти же самые люди так же радостно приветствовали в моем времени-пространстве отречение императора от престола, а потом с остервенением начали насмерть резаться друг с другом.

Поздним вечером, когда перипетии этого дня закончились, лежа в постели, я вспомнил слова Сандро и удовлетворенно улыбнулся про себя. Такой союзник в настоящее время был очень важен, тем более в области военно-морской политики великий князь был ярко выраженным «тихоокеанцем», хотя и служил на Черном море.

Знакомясь с обстановкой в Морском ведомстве, я пришел к выводу, что в настоящий момент всех его представителей можно было условно разделить на три большие партии: «черноморцы», «балтийцы» и «тихоокеанцы». В зависимости от того, какого «течения» придерживался управляющий Морским министерством, в том направлении и шло большее финансирование. Генерал-адмирал лишь утверждал принятые решения.

«Черноморцы» ратовали за скорейшее развитие Черноморского флота. Мечта о захвате проливов и Константинополя в российском обществе никуда не делась. А события армянской резни, критского кризиса, греко-турецкой войны и возможности переворота в Стамбуле еще четыре года назад сделали эту партию достаточно сильной в решении финансирования строительства кораблей для черноморской эскадры. Ими было буквально выбито из госбюджета строительство двух эскадренных броненосцев «Евстафий» и «Иоанн Златоуст», броненосца «Князь Потёмкин-Таврический», двух крейсеров «Кагул» и «Очаков», четырех минных крейсеров типа «Капитан Баранов» и некоторой мелочи, типа миноносцев.

Обстановка во взаимоотношениях с Портой казалась тогда настолько тревожной, что тринадцатого февраля девяносто шестого года было созвано совещание под председательством генерал-фельдмаршала Гурко, обсудившее вопрос о подготовке к проведению Босфорской операции. Девятнадцатого мая великий князь Алексей Александрович испросил высочайшее разрешение послать в Средиземное море практическую эскадру Балтийского флота, и третьего августа броненосцы «Наварин», «Император Александр II», минный крейсер «Посадник» и два миноносца покинули Кронштадт для усиления Средиземноморской эскадры. В связи с этими событиями на протяжении всего девяносто шестого года Черноморский флот поддерживал полную боевую готовность.

Целесообразность Босфорской операции обсуждалась Особым совещанием в ноябре того же года под председательством Александра Третьего. В конце концов император принял решение, что до исчерпания всех возможностей сохранения мира с Портой операцию проводить не

следует, но послу в Константинополе предписали своевременно подать сигнал к началу десантной экспедиции.

Вот такие вот дела. А я, учась в Академии Генерального штаба, даже и не знал, что мы стояли в полушаге от начала новой русско-турецкой и еще с кем-то войны.

«Балтийцы» выдвинулись резко вперед после того, как в марте девяносто восьмого года Вильгельм Второй – фанат сильного флота – смог провалить через рейхстаг закон о флоте, дополненный затем законом одна тысяча девятисотого года. Эти законодательные акты предусматривали резкое увеличение количества новых линейных кораблей, миноносцев и крейсеров в ближайшее время, а к двадцатому году двадцатого столетия в два раза от имеющихся, что должно было вывести германский флот на один уровень с английским.

Хорошо, что среди этой партии были сильные разногласия по военно-морской базе в Либаве, на Моозундском архипелаге, в Мурманске, по крейсерской войне. Иначе бы они задавили всех. Но четыре года назад после ухода в отставку адмирала Чихачёва – «балтийца» и сторонника порта в Либаве – должность управляющего Морским министерством занял вице-адмирал Тыртов Павел Петрович, в свое время бывший начальником Тихоокеанской эскадры и даже награжденный японским орденом Восходящего солнца I класса.

Благодаря усилиям Тыртова, в конце девяносто восьмого года было принято решение, что к лету одна тысяча девятьсот третьего года российский флот на Тихом океане должен состоять из десяти броненосцев, семи броненосных крейсеров, крейсеров 2-го и 3-го ранга, кажда по десятку, двух минных транспортов типа «Vulcan», двух минных заградителей, тридцати шести истребителей-миноносцев типа «Сокол» и одиннадцати эскадренных миноносцев.

Лето девятьсот третьего года было признано в Морском министерстве датой наиболее вероятного столкновения с Японией, так как к этому времени планировалось окончание строительства Транссибирской магистрали. Также вице-адмирал Тыртов отстоял перед генерал-адмиралом первенствующую роль флота, способного помешать высадке японцев на материк в случае столкновения.

Самым неприятным из всего этого было то, что для достижения поставленных целей необходимо в кратчайшие сроки построить для Тихоокеанской эскадры пять броненосцев, шесть крейсеров 2-го класса, десять крейсеров 3-го класса, два минных транспорта, два заградителя и тридцать истребителей. Ввиду занятости отечественных верфей постройкой кораблей для «черноморцев» и «балтийцев» большая часть запланированных кораблей могла быть изготовлена только иностранными фирмами при наличии активного финансирования.

И здесь интересы Морского министерства столкнулись с интересами Министерства финансов, а точнее, с интересами господина Витте.

Основной целью Сергея Юльевича на Дальнем Востоке были КВЖД, ЮМЖД и порт Дальний, которые министр финансов рассматривал как объекты для мирной колонизации Маньчжурии. И это при практически неосвоенных Восточной Сибири и Дальнем Востоке!

Скончавшийся недавно генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского военного округа Сергей Михайлович Духовский в свое время настаивал на строительстве Транссиба вдоль Амура, подчеркивая его огромное значение для развития данного региона империи, даже если к России присоединят Маньчжурию. Генерал считал проект Витте просто опасным для России, доказывая, что строительство КВЖД не позволит прочно связать Приморье с европейской частью России, что данная дорога будет более выгодна китайскому населению, а не русскому, что КВЖД – это вызов Японии, которая непременно на это ответит войной.

Но Витте, пользуясь поддержкой Александра Третьего, смог провалить свой вариант строительства Транссиба через Маньчжурию, что давало, по его мнению, возможность выхода Российской империи на новые рынки сбыта в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Витте доказывал, что строительство КВЖД и ЮМЖД позволит установить контроль на севере Китая и в некоторых его южных провинциях, что в перспективе должно было вызвать

переворот в транспортно-торговом сообщении между Европой и Азиатско-Тихоокеанском регионом за счет привлечения части грузопотока, идущего с Запада на Дальний Восток через Суэц.

По мнению министра финансов, КВЖД, ЮМЖД и коммерческий порт Дальний должны были открыть для русской торговли внутренние области Китая, притянуть к России до половины китайского вывоза и сделать Китай рынком сбыта для русских металлических и текстильных изделий, которые в Европе не пользовались спросом.

Переброска войск, обустройство Порт-Артура в мощную военно-морскую базу, усиление Тихоокеанской эскадры, развитие порта-крепости Владивосток рассматривались Сергеем Юльевичем с финансовой точки зрения для госбюджета как второстепенные и незначительные задачи, он считал руководителей морского ведомства назойливыми попрошайками, опустошающими казну ради бесполезных и дорогостоящих игрушек.

Когда в девяносто восьмом году великий князь Алексей Александрович подал своему царствующему брату запрос на ассигнование судостроения на пять лет в размере двухсот миллионов рублей в связи с усилением Тихоокеанской эскадры, Витте на особом совещании у императора смог убедить того, что японский флот не будет готов ранее девятьсот пятого года.

Сергей Юльевич обусловил это сроками поступления в Японию китайской контрибуции и их соотношением с ходом судостроительных работ. Также министр имел смелость заявить императору, что бюджет Российской империи не позволяет разделить флот на три отдельные части в таких размерах, которые давали бы им возможность одновременно и самостоятельно действовать в Черном море и проливах, в Балтийском море и на Тихом океане.

В результате Морское министерство не получило того, что хотело. Бюджет был урезан, сроки программы были увеличены до девятьсот пятого года, и началось отставание в борьбе с Японией за паритет военно-морских сил в Тихом океане, который и так был условным.

Именно такой вывод следовал из стратегической игры на тему «Воображаемая война России с Японией», состоявшейся на академических курсах военно-морских наук в декабре девяносто пятого – январе девяносто шестого года. Данные о численности японского и русского флотов для игры брались на первое декабря девяносто пятого года. По этим данным в случае войны с Японией та имела семьдесят два судна общим водоизмещением шестьдесят восемь с половиной тысяч тонн со ста пятидесятью восемью орудиями. Русская эскадра имела двадцать четыре судна с общим водоизмещением в тридцать восемь тысяч тонн и семьдесят семь орудий.

Столь невыгодное соотношение сил привело во время игры к единственному выходу для русской эскадры – спуститься на юг и ожидать подкреплений из Средиземного моря и Балтики. Спустя месяц с их прибытием Тихоокеанская эскадра получала бы подавляющий перевес над противником.

В действительности же, из-за проволочек, затянувшихся на полгода со сдачей броненосца «Наварин», и волнений в Османской империи усиление Тихоокеанской эскадры оказалось бы гораздо менее внушительным. На первое марта девяносто шестого года даже после ее пополнения «Рюриком» общее водоизмещение судов составило бы пятьдесят семь и три десятых тысяч тонн и триста сорок семь орудий. Японцы, по данным ГМШ, располагали бы на это время уже флотом водоизмещением пятьдесят семь с половиной тысяч тонн, имея четыреста девять орудий.

Таким образом, российский флот шесть лет назад еще сохранял в водах Тихого океана определенное равновесие с японским и мог оспаривать у последнего господство на театре военных действий. Повышенный риск при десантных операциях, по мнению Морского министерства, как бы удерживал Японию от нападения.

Состоявшаяся в начале одна тысяча девятисотого года на академических курсах игра «Война Японии и России весной 1900 года» подтвердила возросшую слабость Тихоокеанской

эскадры. Русская партия, возглавляемая Сандро, как и в девяносто шестом году была вынуждена прибегнуть к переводу главных сил на юг ради соединения с подкреплениями. Но даже при усилении кораблями из Средиземноморской эскадры и с Балтики господства и даже равенства в силах уже не было.

На сегодняшний момент ситуация не только не улучшилась, а наоборот, значительно ухудшилась. Весы равновесия военно-морских сил в Тихом океане значительно качнулись в сторону Страны восходящего солнца. Англичане деятельно помогли японцам нарастить их морские силы, как всегда чужой кровью решая свои политические и экономические проблемы в Китае и Корее.

После взятия в середине августа девятисотого года войсками коалиции Пекина и начавшейся мягкой политики Александра Третьего в отношении Китая, в Лондоне, используя СМИ, начали вновь активно культивировать враждебность в отношении русских, доходило до того, что в прессе писали о том, что через два-три года начнется война с Российской империей. Это я лично читал во время нашей эпопеи в Англии.

Эти настроения отражали ту дипломатическую борьбу, в процессе которой Лондон старался сорвать попытки Петербурга договориться с Пекином о продлении оккупации Маньчжурии. Третьего октября одна тысяча девятисотого года в британской столице было подписано англо-германское соглашение, гарантировавшее целостность Китая. И произошло это на четвертый день после смерти императора Александра Третьего. Такое вот совпадение. А Россия оказалась на грани дипломатической изоляции в восточных делах.

Судя по всему, получив команду, начал демонстрировать свое недовольство политикой Российской империи и английский «боевой хомячок». Двадцатого февраля от морского агента в Японии капитана второго ранга Русина Александра Ивановича из Йокогамы пришла телеграмма, сообщавшая, что боевые корабли японского флота приняли шестимесячные запасы и сосредоточились в Куре и Сасебо для маневров. В Майдзуру и Такесики посланы боеприпасы. Крейсеру «Ивате» приказано поспешить с переходом из Англии. Девятнадцатого марта он сообщил, что японцы продолжают подвозить в Сасебо, Куре и Йокосуку большие грузы угля. А двадцать третьего марта – что флот в состоянии боевой готовности, для его мобилизации достаточно недели, для мобилизации армии – около двух недель.

Политическая ситуация была настолько серьезной, что министр иностранных дел граф Ламздорф по указанию Николая был вынужден еще двадцать первого марта разослать по российским представителям за границей циркулярное письмо об отказе от соглашения с Китаем по маньчжурским делам и от дальнейших переговоров по этому вопросу. Мало того, данное письмо было опубликовано в «Правительственном вестнике» от двадцать третьего марта одна тысяча девятьсот первого года.

И уже на следующий день Русин уведомил, что угроза немедленного разрыва с Японией устранена, иначе, опираясь на поддержку Англии и США, она начала бы военные действия.

Когда я, как начальник Аналитического центра, был ознакомлен со сложившимся положением, то несколько охренел. Получалось, что уже в начале одна тысяча девятьсот первого года мы стояли даже не в полушаге, а в каком-то небольшом движении стопы от войны с Японией. Либо я плохо учился в школе, так как ничего об этом не помнил, либо об этом в учебниках моего мира не упоминалось, либо это не мой мир, либо он так изменился.

В любом случае Сандро, как союзник в дальнейшей деятельности, становился важной фигурой. Не так много у Николая оставалось людей, на которых он мог опереться. А зять императора – это большая сила. Тем более у моряков, особенно «тихоокеанцев», он пользовался уважением. Именно его записка «Соображения о необходимости усилить состав русского флота в Тихом океане», поданная в девяносто шестом году Александру Третьему через голову управляющего Морского министерства, привела к отставке адмирала Чихачёва.

Да и с Витте великий князь Александр Михайлович, можно сказать, на ножах. С учетом того, что тот вновь сократил кредитование программы судостроения для Тихоокеанской эскадры, мотивируя это тем, что необходимо восстанавливать КВЖД, разрушенную во время боксерского восстания. А это более семидесяти-восемидесяти миллионов потребует, и в основном деньги уйдут французским банкам. С этими мыслями я погрузился в сон.

– Папá, они остались живы, – влетев в комнату, где находился великий князь Владимир Александрович, возбужденно произнес Кирилл.

– Я знаю. Успокойся и не кричи, – спокойно произнес великий князь.

– Что же теперь делать?! – Кирилл Владимирович заметался по комнате. – Что делать?!

– Я сказал – успокойся! – повысил голос Владимир Александрович. – Это, похоже, судьба. И надо её гримасы принимать спокойно. Пятое покушение, и снова впустую. Подробности известны?

– Нет. Только то, что мост взорвали, но поезд до него не дошел. Кого-то из покушавшихся застрелили, остальных ловят, – великий князь Кирилл Владимирович остановился и каким-то судорожным движением руки вытер пот со лба. – А если их поймают?!

– И что? – отец с усмешкой посмотрел на сына.

– Ну, они могут рассказать... – начал Кирилл и осекся.

– Про нас никто из них ничего рассказать не сможет, – чеканя каждое слово, твердо произнес Владимир Александрович.

– Но если заговорит Азеф?!

– Даже если бы смог заговорить, то было бы его слово и слово директора Департамента полиции.

– Что значит – смог бы заговорить?! – дрогнувшим голосом спросил Кирилл.

– Только то, что мне известно несколько больше, чем тебе. Азефа застрелили там, у моста. А с оставшимися живыми товарищами и с их сторонниками разберутся в ближайшее время. Сергей Эрастович тоже хочет жить долго и счастливо, особенно на должности министра внутренних дел, которую еще надо заслужить. Так что не истери. Всё нормально.

– А мы что будем делать?!

– Радостно встречать императора с супругой и детьми, обеспечивая им коронацию, раз уж они такие счастливчики, – закончив фразу, великий князь хищно улыбнулся, прищурив заледеневший взгляд.

На следующий день смогли отправиться в путь только в обед. Весь вчерашний вечер, ночь и утро на реке Липня шла перегрузка вещей из двух императорских поездов в присланный состав из Москвы. Для этого через реку сбоку от полотна настелили временный деревянный мост-переход, через который вручную слуги и таскали царские шмотки. Как оказалось, они нужны были все.

С поездом вчера вечером прибыл Кошко, отправленный до этого в Москву для проверки готовности полиции к коронации. Аркадий Францевич пока при дворцовой полиции был кем-то вроде вольного стрелка-советника, но вскоре должен был перейти на должность заместителя начальника столичного сыска с перспективой скоро стать его начальником. С ним прибыли Куликов, Буров, Зарянский и Горелов.

Получив задачу от Ширинкина и узнав подробности покушения, Кошко как легавая встал на след и временно с остальными пропал из виду. До этого, правда, успел рассказать кое-какие новости из Москвы, которые не сильно обрадовали.

Зная о трагедии на Ходынском поле в моем времени-пространстве, я решил подстраховаться и после ознакомления с программой коронации от имени Аналитического центра составил справку-рекомендацию для графа Воронцова-Дашкова с утверждением ее у императора.

По плану Иллариона Ивановича на Ходынском поле должно было пройти «общение государя с народом», которое предусматривало появление императора с супругой в специально

выстроенном павильоне. Исполнение народного гимна, небольшая речь Николая, затем переезд в Петровский дворец, где в парке в палатках должен был пройти обед с волостными старшинами.

На Ходынке же после отъезда императорской четы должна была начаться раздача подарков народу. Для этого по периметру поля были построены временные «театры», эстрады, балаганы, лавки, ларьки. Планировалось раздать тридцать тысяч ведер пива, десять тысяч ведер мёда и четыреста тысяч «царских подарков».

Подарок включал в себя памятную эмалированную кружку с вензелями их величеств, пряник с гербом, три четверти фунта сладостей в бумажном мешке с изображением Николая и Елены, полфунта колбасы и фунтовую сайку. Всё это заворачивалось в яркий ситцевый платок, на котором были напечатаны с одной стороны вид Кремля и Москвы-реки, с другой стороны – портреты императорской четы. Помимо этого устроители гуляний предполагали разбрасывать в толпе серебряные жетоны с памятной надписью.

Прикинул площадь поля в один квадратный километр и то, что на него явится хотя бы четыреста тысяч человек за подарками, и уже получалось с учетом построек не больше двух квадратных метров на человека. Но сладкое слово «халява», по моему мнению, должно будет привести народу на Ходынское поле куда больше. Так что давка будет сто процентов.

Вот в справке мы и дали рекомендации по организации празднования на Ходынке и раздаче подарков, которые предусматривали засыпку и утрамбовку промоин и ям, имевшихся на поле после добычи глины и песка, указали на необходимость как следует заделать имеющиеся на поле старые колодцы, на которые в обычные дни не обращали внимания.

В обязательном порядке рекомендовали разделить толпу на потоки деревянными оградами, указали на карте поля схемы и порядок движения этих потоков, также отметили необходимость усиления сил полиции, задействованных в этом мероприятии войсковыми подразделениями Московского гарнизона. Всё это было одобрено Николаем и передано министру императорского двора.

Однако прибывший Кошко доложил, что на Ходынском поле и конь пока не валялся. Если царский павильон, театры, лавки, ларьки строятся, то оград нет, ямы, промоины, колодцы не засыпаны. Кроме того, памятных кружек было изготовлено пока только сто тысяч, а до гулянья осталось всего пять дней. Эта информация также не добавила радости императору.

Первоначально планировалось, что императорская чета прибудет в Петровский дворец, и только на следующий день будет торжественный въезд в Москву. Но с учетом случившегося и потерянных суток было принято решение сразу следовать во вторую столицу, в Кремль, где можно было быстро организовать усиленную охрану. Императрица Елена Филипповна морально держалась, но было видно даже неспециалисту в области психиатрии, что она и Николай находятся на грани нервного срыва.

Москва встретила царскую чету радостью и ликованием. Гвардейцы, перекрывшие весь путь от вокзала до Кремля живым коридором, еле сдерживали напор толпы, желавшей лично убедиться в том, что император и императрица вместе с детьми живы и здоровы.

Только прибыв в Кремль, смогли вздохнуть более-менее свободно. Давно я не чувствовал такого напряжения. Навыки личника вспомнились как-то сами собой. И весь путь от вокзала я в каждом видел угрозу для императорской четы. Вооруженные до зубов братья, окружившие карету, были напряжены и готовы дать отпор на любую провокацию. Конвойцы-личники во втором круге охраны крутили головой по своим секторам, отдавая пристальное внимание открытым окнам домов, мимо которых проезжала торжественная процессия.

В тот день Николай принял для доклада только графа Воронцова-Дашкова. Всех остальных, включая московского генерал-губернатора Сергея Александровича, завернул, что сразу же вызвало кучу толков и пересудов среди аристократической элиты, да и среди других сословий начали плодиться с огромной скоростью предположения и предсказания.

И вот девятое мая. Священнодействие коронации началось в десять утра в Успенском соборе, который был забит до отказа. Божественная литургия, во время которой император принял корону от священнослужителей и надел ее на себя, а после сам короновал Елену малой короной. После этого состоялось миропомазание царя и причащение его в алтаре. Все это сопровождалось длительными молитвами и речами. Духота, смешанная вонь ладана, сгоревших свечей, духов, косметики. Собравшаяся толпа, словно единый живой организм. Обстановка для работы еще та.

После богослужения началось коронационное шествие, посещение соборов Кремля, которое завершилось подъемом царя и царицы на Красное крыльцо и их троекратным поклоном народу. Завершилась коронация праздничным царским обедом в Грановитой палате, на котором присутствовали приглашенные лица из числа российских подданных, иностранным же представителям по традиции было предложено угощение в других местах дворца.

Вечером Николай и Елена вместе с детьми вышли на балкон Кремлевского дворца, откуда сами включили праздничную иллюминацию. На этом тяжелый день для императорской четы закончился, и они смогли уединиться в своих покоях. Смогла несколько расслабиться и охрана. Ширинкин вновь удивил меня, хлобыстнув граненый стакан «Ерофеича». Глядя на него, полстакана на грудь принял и я. Вот так и алкоголиком вскоре станешь, как тот же генерал Черевин.

На следующий день состоялся высочайший прием чрезвычайных послов и посланников, после чего император и императрица в Андреевском тронном зале принимали поздравления от депутатов со всей России.

Поздним вечером в комнату Кремлевского дворца, выделенную мне Николаем для проживания на время коронации, просочился Кошко.

– Чем обрадуете, Аркадий Францевич? – вместо приветствия поинтересовался я у надворного советника, всё еще остававшегося для всех коллежским асессором.

– Ничем хорошим, Тимофей Васильевич, – ответил сыщик, устало опускаясь в предложенное мною кресло. – Всё очень плохо.

– Что удалось выяснить?

– Начальник Московского охранного отделения Зубатов Сергей Васильевич подтвердил, что Азеф был их секретным агентом. Точнее, в девяносто девятом году, когда тот вернулся из Германии в Москву, был передан директором Департамента полиции действительным статским советником Зволянским на связь московской охранке. Был на очень хорошем счету. Внедрен в «Союз социалистов-революционеров». В ближайшее время готовилась операция по ликвидации ячеек этого союза в Петербурге, Москве, Тамбове, Киеве, Воронеже, – Кошко перевел дыхание и, подняв на меня покрасневшие от недосыпа глаза, неуверенно спросил: – Тимофей Васильевич, а чая можно заказать и чего-нибудь перекусить? С утра маковой росинки во рту не было.

Вернувшись в комнату после того, как, выйдя из нее, искал кого-то из слуг и ставил обнаруженную задачу по чаю и бутербродам, увидел заснувшего в кресле Кошко. Дождавшись, когда принесут заказанное, разбудил сыщика и заставил его сначала всё съесть. Потом Аркадий Францевич продолжил доклад:

– Сегодня утром на Хитровке, в одной из ночлежек обнаружены трупы бывшего поручика лейб-гвардейского саперного батальона Кривицкого и унтер-офицера этого же батальона Храмова, а также двух извозчиков. Кривицкий и Храмов были три года назад осуждены к каторжным работам за кражи, мошенничество, но бежали с этапа. После чего обитали на Хитровке, были в авторитете у уголовников. По описанию подходят под тех, кто закладывал заряд на пути. Кстати, убиты в другом месте. В ночлежку привезли их трупы.

– Аркадий Францевич, откуда такая информация?

– Нашел железнодорожного обходчика, который видел, как они копали яму между шпалами на пути. Куликов по описанию нарисовал портреты. Очень похожи. А по убийству в другом месте – так в комнатах с трупов крови практически не натекло.

– И что обходчик показал?

– Когда тот поинтересовался, что они делают, один из них, предположительно Азеф, показал какой-то лист с кучей печатей, согласно которому проводится исследование состояния насыпи и путей около моста, – Кошко усмехнулся. – Что вы хотите от обычного обходчика? Тем более пути они не разбирали, а яма между шпалами...

– Повезло обходчику, да и нам, что живым оставили, – ответил я усмешкой сыщику.

– Это точно. Повезло. Видимо, просто не успели ликвидировать, – грустно подтвердил Кошко. – Только толку от этого. Все ниточки обрезали.

– Аркадий Францевич, у вас шесть человек, точнее трупы шести человек. Все они жили, общались и оставляли следы. Надо их только вычислить. Нам нужен заказчик...

– Тимофей Васильевич... – Кошко посмотрел на меня взглядом, который я не смог идентифицировать. – Вы серьезно?!

Я твердо встретил его взгляд.

– Дадут команду, проведу английский вариант. Империя превыше всего. Тем более, если не станет императора Николая Второго, мы долго не проживем.

Кошко молчал около минуты, а потом тихо произнес:

– Согласен! Только почему так выпить хочется?!

– Пойдемте к Евгению Никифоровичу, у него «Ерофеич» точно есть.

В общем, штоф чудной настойки на троих мы уговорили, при этом все трое остались трезвыми как стеклышко. А жаль!

Потом были два дня гуляний, и вот утром двенадцатого мая случилось то, что должно было случиться, несмотря на все наши старания.

В ночь с одиннадцатого на двенадцатое мая на Ходынском поле собралось огромное количество народа. С утра толпа увеличилась. Халявы ждало очень много людей. По оценке Бурова и Зарянского, которые на пролетке, можно сказать, прилетели в Кремль с Ходынки, – более полумиллиона человек. Вплоть до шести утра все было совершенно спокойно. Начали подтягиваться армейские подразделения, полиция, постепенно занимавшие по утвержденным схемам свои места. Стали подъезжать работники ларьков, лавок, где должны были раздаваться «царские подарки». Всё было благопристойно и тихо. Как вдруг с разных сторон начали раздаваться крики, что «подарков на всех не хватит, буфетчики делают для себя запасы» и такое прочее.

И тогда, по словам Бурова и Зарянского, толпа вдруг как один человек стремительно бросилась вперед. Задние ряды напирали на передние, кто падал, того топтали, ходя по живым еще телам, как по камням или бревнам. Катастрофа продолжалась всего десять-пятнадцать минут. Когда толпа опомнилась, было уже поздно.

Глава 4

Волнения-1

– Илларион Иванович, как это понимать?! Почему это произошло?! Я же с вами восьмого числа обсуждал возникшие проблемы с гулянием народа на Ходынском поле. Вы мне лично обещали, что всё будет исправлено, и вчера вечером доложили, что всё готово. И это называется – готово?! Больше пятисот человек погибло! – Николай с каждым словом повышал голос, а последнюю фразу просто прокричал.

Перед императором, как нашкодившие школьники, стояли граф Воронцов-Дашков, который как министр дворца отвечал за коронацию, генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович, директор Департамента полиции действительный статский советник Зволянский и московский обер-полицмейстер генерал-майор Трепов Дмитрий Фёдорович.

– Ваше императорское величество, я вчера лично проверял готовность Ходынского поля к празднованию. Все ямы, промоины, колодцы были засыпаны, а земля утрамбована. По утвержденной схеме разграничительные загороди были поставлены. С шести до восьми утра в павильоны и ларьки должны были быть доставлены подарки. К этому времени войска и полиция уже бы заняли свои места. Но случилось непредвиденное, ваше императорское величество, – граф хотя и старался выглядеть спокойным, но пот, выступивший на лбу, говорил, что ему нелегко давался этот доклад.

– И что же такого непредвиденного произошло? – с сарказмом и раздраженно спросил император.

– Провокации неизвестных лиц, ваше императорское величество, – подал голос Сергей Эрастович.

– И в чем заключались провокации? – более спокойно спросил Николай, который уже был в курсе произошедших событий.

– Ваше императорское величество, предварительный опрос свидетелей показал, что этой ночью на Ходынском поле и рядом с ним собралось огромное количество народа, по предварительным оценкам – больше полумиллиона человек. Сегодня, когда около шести утра на поле прибыли первые повозки с подарками, то среди собравшихся начали раздаваться крики о том, что подарков на всех не хватит, что фабриканты царские деньги себе присвоили. Потом раздались крики, что на повозках буфетчики сейчас будут не завозить, а, наоборот, вывозить уже приготовленные для народа подарки, и всё в таком духе. Возбужденная этими криками толпа рванула к ларькам и павильонам, снеся те небольшие силы полиции, которые только начали занимать свои места, – Зволянский прервался, сделав глубокий вдох.

– Если бы не полковник Болотов, там вообще неизвестно чем бы всё закончилось. Возможно, все бы ларьки и павильоны разгромили. Подарки-то еще не завезли, – с некоторым превосходством над штафиркой пусть и в звании действительного статского советника произнес великий князь, воспользовавшись паузой в докладе директора Департамента полиции.

– Поподробнее, Сергей Александрович.

– Когда весь этот бардак начался, как раз подошли два батальона гренадеров из Второго гренадерского Ростовского полка. Полк был назначен на усиление охраны и поддержание порядка во время гуляний на Ходынском поле. Командир полка полковник Болотов не растерялся и перекрыл проходы гренадерами, выстроив их как для стрельбы плутонгами. Да еще и штыки примкнуть приказал. Толпа увидела это и встала.

– Понятно. Спасибо, – Николай опустил голову и молчал целую минуту.

Никто из присутствующих не посмел прервать возникшую тишину. Наконец император поднял голову и вперил взгляд в лицо Зволянского.

– Сергей Эрастович, кого-нибудь из крикунов-provокаторов задержали? – голос императора был спокойным и каким-то механическим.

– Пока нет, ваше императорское величество. Ищем. Подключили все силы Московского охранного отделения, – главный полицейский империи достал платок и нервно вытер пот со лба.

– Еще один вопрос. А в вашем департаменте что-то было известно о возможности таких провокаций?

– Нет, ваше императорское величество.

– И еще один вопрос, Сергей Эрастович. Не хотел его поднимать до конца коронации, но вижу, придется. Каким образом в покушении на императорский поезд участвовал секретный сотрудник полиции Азеф?! И не просто участвовал, а стрелял в моих конвойцев и пытался взорвать второй заряд, заложенный на путях! Что скажете мне, господин директор Департамента полиции Российской империи?! Это у вас такие секретные сотрудники, которые стремятся убить своего императора?!

С каждой фразой, произнесенной пусть и с интонациями, но спокойным голосом, серо-зеленые глаза Николая, наливаясь холодом, меняли цвет на серо-оловянный. И это смотрелось жутковато.

– Господин действительный статский советник, я принял решение уволить вас без прошения. И молитесь Богу, чтобы ваша вина была только в халатном бездействии, – закончил свою речь Николай, как припечатал.

Еще два часа назад, после прибытия Бурова и Зарянского, я доложил Ширинкину, хотя мог бы и сразу выйти на Николая. Но, как говорится, одна голова хорошо, а две лучше. Тем более Евгений Никифорович куда лучше меня разбирался во всех хитросплетениях высшего света.

После доклада императору встал вопрос, что тому делать? Пришлось толкнуть речь об «идее справедливого и доброго царя», который в общественном сознании большинства русского народа может разрешить все беды и несчастья. Плюс к этому Ширинкин добавил, что необходима жертва и лучше всего на это подходит Зволянский.

Хотя прямых доказательств его роли в покушениях на цесаревича, а теперь и на императора пока не было, но и за меньшие прегрешения люди головы теряли. Жалко, что великий князь Владимир Александрович стороной проходит. Он свою роль с войсками гвардии на коронации выполнил безупречно. Но об этом ни я, ни Евгений Никифорович даже и не заикнулись. Семейство Романовых, мать их! Попробуй тронуть. А тронуть хотелось, только и голову при этом надо было как-то сохранить.

После разборок в кабинете Николай вместе с супругой направился на Ходынское поле. По пути кавалькада захватила с собой французского посла Гюстава Луи Ланна, маркиза де Монтебелло. После посещения царской четой народного гулянья и обеда в Петровском дворце вечером должен был состояться бал во французском посольстве, точнее в снятом для этого мероприятия дворце Шереметевых.

С большим трудом удалось Николаю отговорить от посещения бала. Надо было в условиях случившейся трагедии быстренько лепить образ «народного царя». К сожалению, Николай Александрович это плохо воспринимал, так как считал, что раз он Богом избранный царь, то народ его должен автоматически любить, благодетельствовать и соответствовать своему императору.

Он наивно думал, что народ чинно соберется, будет стоять и ждать в установленном порядке, затем, когда в десять часов откроют ларьки и буфеты, будет к ним проходить спокойно, получать подарки. К двум часам дня, ко времени приезда государя, все будет роздано, и счастливый люд с подарками в руках радостно встретит царя и царицу. По его мнению, в

том, что случилось, виноваты сами пострадавшие, раз поддались на провокации и не смогли победить свою алчность и жадность.

В общем, пришлось заняться демагогией, чтобы убедить Николая Александровича в том, что любовь народная может и закончиться, если ее не подпитывать наглядной заботой о простых подданных, особенно во время трагедий. Если пустить всё на самотек и продолжить гулять как ни в чем не бывало, то можно и кликуху получить, типа Николай Кровавый, которому, так сказать, до пояса народное горе. Российские либералы и революционеры такого промаха у императора ну никак не пропустят. Так и хотелось сказать: «Коля, и тебе это надо?»

Поэтому и потащили с собой маркиза де Монтебелло, который очень кстати прибыл в Кремль для уточнения некоторых деталей по балу, чтобы тот проникся случившимся и потом нормально бы отреагировал на отказ императора прийти на бал. Французы, конечно, наши союзники, могут и обидеться, но свой народ ближе. От него зависит устойчивость российского трона.

Захватили с собой и митрополита Антония, который «помазал» Николая на царство. Необходимо было, чтобы люд московский увидел, что царь и первый или второй после Бога в горе и беде находятся с ним.

В отличие от императора митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний Вадковский, как и Елена Филипповна, основную мысль программы посещения Ходынского поля царской четой после случившегося несчастья понял сразу и, быстренько собрав свою свиту, на своих же экипажах догнал императорскую колонну из карет.

Чем ближе по Петербургскому шоссе подъезжали к окраинам Москвы, тем больше попадалось навстречу различных средств передвижения, на которых везли раненых. Там было всё: брички, тарантасы, коляски, телеги, с которых доносились стоны, выкрики, плач. Шло очень много людей в разорванной одежде, с синяками, кровавыми разводами на лице и одежде. И чем ближе подъезжали к Ходынке, тем этот поток становился плотнее.

Организацию посещения места трагедии взял на себя московский обер-полицмейстер генерал-майор Трепов. Дмитрий Фёдорович быстро понял, что следующим кандидатом на отставку без прошения может стать он, поэтому, выйдя от императора, сразу же умчался на поле, где развил бурную деятельность.

По его распоряжению за счет городского бюджета были наняты извозчики Москвы для перевозки раненых. В ближайших от Ходынки больницах организовывались дополнительные койки. По его просьбе великий князь Сергей Александрович разрешил принимать пострадавших в военные лазареты, имеющиеся в городе.

Когда царская кавалькада прибыла, основная масса трупов уже была отвезена к Ваганьковскому кладбищу, где должно было пройти опознание погибших и установлена причина их смерти. Раненых, которых было больше, постепенно развозили по больницам. Первую помощь им оказывали врачи, которые были задействованы на этом гулянье, а также прибывшие военные медики.

Подъехала кавалькада к ряду буфетов, ларьков, их было больше сотни, шедших по краю Ходынского поля. Вся трагедия и случилась на входах к этим местам раздачи царских подарков. Основная масса народа даже и не заметила случившегося.

Всё Ходынское поле оставалось запружено народом, который уже гулял в честь коронации Николая Второго. Радостная толпа, хлебнувши пива и вина в обустроенных здесь же ларьках, радостно кричала «ура!». Оркестр наяривал то «Боже, царя храни», то «Слався».

Все ждали приезда царя. Для этого почти прямо против Петровского дворца был устроен императорский павильон, сооруженный в древнерусском стиле. По обеим сторонам павильона были выстроены две трибуны, каждая на четыреста мест, для чинов высшей администрации, а вдоль Петровского шоссе – две трибуны для публики с платными местами, по пять тысяч мест в каждой. Эти сооружения оставались на Ходынском поле и по окончании гулянья для

парада. Для простого люда по всему полю были раскинута всевозможные театры, открытые сцены, цирки, качели, карусели, ипподром для конских ристалищ и эти злосчастные буфеты для раздачи подарков.

Пока царствующие особы и их сопровождение выгружались из карет, чтобы посмотреть на место трагедии и переговорить с ранеными, успел краем уха услышать, как один из опрашиваемых пострадавших рассказывал, что по поводу «царских подарков» в народе ходят легендарные слухи, будто «коронационные кружки» будут наполнены серебром, а иные говорят, что и золотом. Поэтому не только со всей Москвы и Московской губернии, но из соседних, ближайших губерний шел народ густыми толпами на Ходынку, чтобы увидеть царя и получить от него *такой* подарок.

Потом был осмотр нескольких тел погибших, над которыми митрополит Антоний прочитал молитву, и беседа царя с ранеными. И тут я в очередной раз понял, что, несмотря на то что уже так долго живу в этом времени, многого я так и не понимаю. Если во время беседы-убеждения с Николаем его мнение, что в случившейся трагедии виноваты сами пострадавшие, меня откровенно напрягло, то то, что устроили раненые, привело в состояние полного психологического раздвоя.

Все пострадавшие, как один, не обвиняли никого, кроме себя самих. Чуть ли не одинаковыми словами говорили, что виноваты сами и очень сожалеют, что расстроили своим поведением царя и царицу-матушку!

А Николай и Елена с грустными, сочувствующими улыбками их выслушивали, ободряли. Митрополит благословлял, проверенные репортеры, которых притащили орлы Ширинкина, всё снимали. Потом император толкнул краткую речь о том, что лечение всех раненых будет за счет семьи Романовых, всем будет выплачена компенсация, в случае утраты работоспособности будет назначена пожизненная пенсия. Семьи погибших получают тысячу рублей, похороны будут осуществлены на царские средства. Кроме того, Николай указал учредить комиссию под председательством великого князя Сергея Александровича по сбору пожертвований для пострадавших с целью выделения в дальнейшем ежегодных пособий.

Закончил свою речь Николай тем, что приказывает все празднества прекратить, а сам он вместе с супругой удалится в один из монастырей в окрестностях Москвы, чтобы помолиться за невинно убиенных.

И шо тут началось! Граф Пален, будучи верховным маршалом церемонии священного коронования императора, тут же поддержал Николая, да еще и посоветовал строго наказывать виновников, не считаясь с положением, занимаемым лицами. При этом кровожадно посматривал на Сергея Александровича. Великий князь в ответ на этот выпад тут же заявил о своей просьбе к императору принять его отставку как московского генерал-губернатора.

Победоносцев тут же указал, что такие действия могут смутить умы и произведут дурное впечатление на принцев и иностранных представителей, собравшихся в Москве. При этом Константин Петрович логично указал на то, что невозможно остановить уже начавшееся народное гулянье, в котором задействовано больше полумиллиона человек. Причем многие из них проделали долгий и трудный путь из соседних губерний, чтобы попасть на этот праздник, увидеть своего царя и получить от него подарок.

Общими усилиями свита убедила Николая, что народное гулянье, несмотря на произошедшие скорбные события, надо продолжить, пусть и в усеченном формате. Маркиз де Монтебелло обратился к Николаю и предложил перенести на более поздние дни бал, который сегодня готовило французское посольство, на что тот с благодарностью согласился.

После этого французский посол откланялся, так как ему надо было решать неотложные задачи по переносу торжества, а император со своей свитой направились кортежем на Ваганьковское кладбище. До четырнадцати часов, когда по программе царская пара должна была появиться на Ходынке, было еще три часа.

Картина перед кладбищем была еще та. Представьте себе больше десяти рядов трупов, по пятьдесят погибших в каждом. Такой прямоугольник сто на пятьдесят метров. Честно говоря, впервые за обе жизни видел такое количество мертвых гражданских в одном месте. Особую жалость вызывали несколько детских трупиков.

Если уж меня, который относительно недавно вернулся из Китая, где в боях насмотрелся всякого, торкнуло, то что говорить об остальных. Елена Филипповна то и дело нюхала соль, чтобы не упасть в обморок. Николай был бледно-зеленый. Остальные свитские, особенно те, кто прошел русско-турецкую войну, выглядели получше. Митрополит Антоний ходил вдоль рядов и громко читал молитвы панихиды. Присутствующие в нужных местах накладывали на себя крест. Репортеры крестились и снимали.

Когда служба закончилась, Николай обратился к министру юстиции Муравьеву:

– Николай Валерианович, кто будет вести расследование?

– Пока еще окончательно не решено, – начал говорить тайный советник, но был перебит графом Паленом:

– А чего тут думать-то?! Судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам надворный советник Павел Федорович Кейзер. Ему по должности положено это следствие вести. Кроме того, он зарекомендовал себя человеком безукоризненной честности и как умный выдержанный сотрудник. Имеет громадный опыт следственной работы и чужд карьеризму, – Константин Иванович улыбнулся. – Поэтому до сих пор и ходит в надворных советниках, потому что правду в глаза не боится сказать и на своем стоит до конца. Не так ли, Николай Валерианович?!

Муравьев с недовольной гримасой на лице кивнул. Я заметил, что и Сергей Александрович как-то кисло поморщился. Видимо, этот Кейзер – личность довольно-таки известная, интересная и достаточно независимая, если такие люди, как министр юстиции и генерал-губернатор, его убрать не могут.

– Хорошо. Данная кандидатура принимается. А вы, Константин Иванович, – обратился император к графу, – назначаетесь главой комиссии по расследованию случившегося. Завтра к вечеру жду доклад о первых результатах.

– Да, ваше императорское величество.

Потом был царский павильон на Ходынском поле. Бледный государь и осунувшаяся императрица стояли перед бушующим человеческим морем. Как только их величества вступили на крыльцо этого строения, на крыше его взвился императорский штандарт и грянули выстрелы салюта. Огромная масса народа на поле обнажила головы, и громовой рев, в котором с трудом можно было разобрать «ура», раздался над Ходынкой, заставив перепуганно взлететь в округе всех птиц.

Такого я никогда не видел в своей жизни. Огромная толпа орала так, что закладывало уши. Вверх летели шапки, картузы и даже женские шляпки. Звуки оркестра рядом с павильоном, играющего «Боже, царя храни» и «Слався», были еле слышны. Царская чета пробыла на крыльце двадцать минут, и всё это время над Ходынкой стоял несмолкающий рев. Народ Российской империи, уже разогретый спиртным, выражал свои верноподданнические чувства своему императору и императрице.

Покинув павильон, Николай и Елена направились в Петровский дворец, где принимали делегации от крестьян. Здесь государь смог довести до избранных народа сведения о случившейся трагедии. Праздничный обед для волостных старшин превратился в присутствии царской четы в поминальный. Но это продолжалось недолго, так как после первого поминального тоста император с супругой покидали шатер, где были накрыты столы. После их ухода праздник продолжился.

В Кремль вернулись рано. Николай и Елена ушли в свои покои и больше никого в этот день не принимали. Провели вечер в кругу детей. Мне же отдыхать было некогда. Я и Ширинкин вплотную занялись репортерами.

Как рассказал мне Евгений Никифорович, в Москве официальными государственными органами печати были «Московские ведомости» и «Ведомости Московской городской полиции». Бравирующая либеральная интеллигенция считала дурным тоном читать эти газеты. Для них выходили «Русские ведомости» и «Русское слово». «Московский листок», «Новости дня» считались прессой для толпы. Остальные газеты были мелочевкой с небольшими тиражами. Но на некоторые из «желтой прессы» обратить внимание стоило.

Прекрасно представляя, что могут сделать СМИ при выработке у народа мнения о случившихся скорбных событиях, отработали с репортерами «Московских ведомостей» и полицейской газеты статьи для завтрашних изданий, отобрали наиболее яркие и информативные фотоснимки.

После того как заинструктированные «журналисты» убыли, мы вместе с Ширинкиным отправились в гости к Николаю Ивановичу Пастухову – владельцу «Московского листка». Встреча прошла плодотворно. Пастухов уже знал о случившемся, но вот подробности ему были неизвестны. Именно ему принадлежали слова: «Репортер должен знать всё, что случилось за сутки в городе. Не прозевать ни одного сенсационного убийства, ни одного большого пожара или крушения поезда». А тут такая возможность. Официальные власти сами дают правдивую информацию, фотографии с места событий и единственным условием сотрудничества является – ничего не выдумывать, а написать всё так, как было на самом деле. Кто же от такого откажется.

На другой день в Кремле во всех церквях была проведена панихида по погибшим на Ходынке. В Успенском соборе служба проходила в присутствии их величеств и всей царской семьи. В два часа пополудни Николай и Елена в сопровождении великого князя Сергея Александровича посетили Старо-Екатерининскую, Мариинскую больницы, клиники и лазареты, где находились раненные на Ходынке.

Везде царская чета общалась с пострадавшими, расспрашивая подробности. В конце этой поездки была подведена статистика, по которой из почти полутора тысяч раненых, вывезенных вчера с места трагедии, во всех лечебных заведениях осталось где-то семьсот человек. В основном с тяжелыми травмами в виде переломов, остальные, получив первую медицинскую помощь, разошлись по домам, несмотря на то что им было обещано бесплатное лечение.

Когда царская чета еще только собиралась в эту поездку, вышли газеты. Так сказать, проправительственные и «Московский листок» осветили трагедию и действия царя в нужном русле. Фото Николая и Елены со слезами на щеках, сделанное на фоне трупов у Ваганьковского кладбища, пробиало до мурашек. Я бы тому репортеру-фотографу точно Пулитцеровскую премию вручил, жаль только, что ее основатель Джозеф Пулитцер еще жив. Жаль, конечно, в переносном смысле.

«Русские ведомости» опубликовали большую статью Гиляровского. Талант есть талант. Статья Владимира Александровича была яркой, бьющей по нервам. С одной стороны, автор практически ничего не искажил, но после ее прочтения возникало ощущение, что давка была по всему Ходынскому полю и что количество убитых и раненых, о которых официально сообщается, явно занижено.

Деятельность царской четы в тот день в этой газете отражена не была. Было только упоминание в один абзац о том, что «его императорское величество, глубоко опечаленный этими событиями, повелел оказать пособие пострадавшим: выдать по тысяче рублей на каждую осиротевшую семью и расходы по похоронам погибших принять на его счет».

«Русское слово» чуть ли не слово в слово напечатало материал, как в «Московском листке». Насколько я успел узнать, господин Пастухов дружил с господином Сытиным.

А вот газета «Новости дня» несколько расстроила, напечатав статью, в которой критиковалась работа полиции по организации народных гуляний на Ходынском поле, досталось и генерал-губернатору за привлечение к наведению порядка гренадеров. И самое главное, слезы царской четы на фото, опубликованном во многих изданиях, автор статьи под псевдонимом «Скучающий россиянин» назвал «крокодиловыми».

На этот счет у нас с Евгением Никифоровичем были наработаны определенные заготовки. Редактор и хозяин газеты «Новости дня» должен был стать первым, кто испробует их на себе. Тем более звали его Абрам Яковлевич Липскеров.

– Чего там пишут-то? – повысив голос, чтобы перекрыть гул трактира, поинтересовался у своего соседа мужчина лет сорока, судя по одежде из мещан.

– Про трагедию на Ходынке читаю. Больше пятисот человек погибло и почти полторы тысячи пострадало еще. Ужас-то какой! – уверенно ответил ему крепкий мужчина лет тридцати.

За этим столом сидело двое крепких мужчин, которых отличала какая-то подтянутость, поджарость, пластичность движений, и еще два представителя мужского пола. Один, как было описано выше, из мещан, а вот второй, вернее всего, принадлежал к купеческому сословию.

Трактир был переполнен. На коронацию Николая Второго приехало множество народа, и все забегаловки, харчевни, трактиры, рестораны в Первопрестольной были забиты в течение всего времени открытия заведений. Данный трактир пусть и не дотягивал хотя бы до плохонького ресторана, но и забегаловкой не назовешь. Публика здесь собралась чистая, а нехватка мест привела к тому, что в обеденное время за столами можно было встретить вместе представителей крестьянства, рабочих, студентов, купцов. Солдатики, находящиеся в увольнении, также присутствовали.

– Да, трагедия. Но император молодец. Несмотря на праздник, и на месте трагедии побывал, и на Ваганьковское кладбище съездил вместе с государыней, куда задавленных свезли. Как вспомню фотографию вот эту, – купец перегнулся через стол, ткнул в газету, лежавшую перед чтецом, – мураши по всему телу. По тысяче рублей государь на каждую осиротевшую семью из своих средств выделил. А это почитай больше полумиллиона получается. И похороны за его счет.

– Иди-ка, ты. Тысячу рублей. Это ж какие деньги-то. Вот свезло! – мещанин лет сорока покрутил головой. – Даже не верится.

Произнес всё это мужик настолько громко, что на него стали оборачиваться посетители трактира от других столов.

– Скажешь тоже, свезло. У тебя близкий человек погиб, а ты – свезло, – осуждающе произнес молчавший до этого второй крупный мужчина. Купец хмыкнул и вернул ложку, в которой были щи, назад в тарелку.

– А я чего?! Близкие всё равно мрут. У меня вона трое детей да первая жена умерли. А тут целую тыщу дают, – громко и как-то визгливо произнес в ответ на упрек мужик.

Тьфу на тебя! Разве в деньгах счастье?! – перебил мужика купец и грохнул кулаком по столу, чем привлек к себе внимание уже многих присутствующих в трактире.

– Уважаемые, попрошу немного тишины, – можно сказать, прокричал поднявшийся на ноги купец.

Гул в трактире стих, и народ вопросительно уставился на говорившего.

– Уважаемые, вчера случилась трагедия на Ходынском поле – погибло много православных, и многие были покалечены. Наш государь с царицей-матушкой сразу же отреагировали на это, и панихиду по убиенным организовали, и большую помощь пострадавшим из своих средств оказали, – купец сделал паузу, глубоко вздохнув, и произнес: – Выставляю за свой счет всем присутствующим здесь по две чарки «Московской». Первую за помин, вторую во славу Государя нашего.

Трактир буквально взорвался радостными воплями, а половые заскользили между столами, расставляя посуду с налитой водкой. Некоторые тут же опрокидывали рюмки в рот, но основная масса дождалась, когда обслужат всех, после чего все дружно поднялись и, перекрестившись, молча выпили.

Через несколько секунд поднялся купец и провозгласил здравицу Николаю Второму и всему его семейству. Народ дружно это поддержал. Не каждый раз почти двести пятьдесят граммов халявно на грудь падает.

Прошло несколько минут. Жизнь в трактире вернулась на круги своя, только гул усилился, да и лица у многих покраснелись.

– Нет, вы посмотрите, что пишут, – вскочил за одним из столов, потрясая газетой в руке, какой-то мужичок невзрачного вида, одетый в несколько затасканный костюм, с покрасневшим лицом и какими-то безумными глазами за стеклами очков. – Это же уму непостижимо!

Гул в помещении быстро стих.

– Слушайте, что пишут в этой газете, – развернув газету, очкарик начал читать: – «Император и императрица, прибыв к Ваганьковскому кладбищу, куда свезли раздавленных и затоптанных насмерть с Ходынского поля, пролили немало слез. Только не были ли эти слезы крокодиловы?!»

– Я чего-то не понял, – на ноги поднялся здоровый мастеровой, находившийся в состоянии уже хорошего алкогольного опьянения. – Причем тут государь с царицей и крокодиловы слезы?!

– Это аллегория. Крокодил плачет, когда поедает свою жертву, – начал было объяснять мужчина, поправив на носу очки, но мастеровой его перебил:

– Это чё... Писака императора с крокодилом сравнил?! Это чё творится-то?! Да я ему...

Дальше пошел непередаваемый русский фольклор, посвященный убийству, нанесению травм и неестественной половой жизни с репортером, написавшим эти слова.

– А что за газета? – раздался чей-то крик.

– «Новости дня». Статью подписал какой-то «Скучающий россиянин», а редактор и хозяин Абрам Яковлевич Липскеров.

– Млять, и здесь евреи...

– Царя оскорблять...

– Где типография...

– Рядом на Неглинке...

– Доходный дом купеческого общества...

– Айда громить...

– Пошли...

– Бей жидов...

Трактир быстро опустел. Купец, подойдя к стойке, расплатился за свой заказ и, покидая помещение одним из последних, тихо под нос произнес:

– Вот про Абрама Яковлевича Липскерова Гаврилову говорить не надо было. Как бы еврейские погромы не начались.

– Дмитрий Фёдорович, объясните мне, каким образом в Москве возникли волнения, погромы и что вообще произошло? Мне что, одной Ходынки мало во время коронации?

– Ваше императорское величество, народ разгромил пять типографий, в которых сегодня были напечатаны материалы с критикой в вашу сторону, действий генерал-губернатора и моих, как московского обер-полицмейстера при организации народного гулянья на Ходынском поле, – чеканя каждое слово, твердо ответил генерал-майор Трепов, готовясь про себя к получению отставки.

– И какая же критика?

– Про «желтую прессу» говорить не буду, но в газете «Новости дня», редактором и хозяином которой является господин Липскеров, вышла статья некоего «Скучающего россиянина», сравнившего слезы императора и императрицы на фотографиях у Ваганьковского кладбища с крокодиловыми. Почти как в пьесе Островского «Волки и овцы», где звучало: «И крокодилы плачут, а всё-таки по целому теленку глотают».

– Что?!

– Вот народ и отреагировал так. В общем, редакция и типография данной газеты полностью разгромлены негодующей толпой. Да тут еще господин Абрам Яковлевич Липскеров – выкрест из польских евреев. Его фамилия означает «житель Липска», это город в Подляском воеводстве. Еще и это наложилось, – московский обер-полицмейстер сожалеюще развел руками.

– А что Липскеров говорит о статье? – заинтересованно спросил император.

– Ничего не говорит. Он пока без сознания в больнице лежит. Ему голову проломили. Но врачи говорят, что всё будет хорошо.

– Даже так?! И кто это сделал?

– Пока выяснить не удалось, ваше императорское величество. И если честно, вряд ли удастся. В той толпе, что вышла из трактира на погром издательства, по словам хозяина трактира, чуть ли не все были приезжими. Свою клиентуру из москвичей тот хорошо знает. Так что... – Трепов тяжело вздохнул.

– А кто автор статьи – выяснили?

– Выяснили, ваше императорское величество. Пётр Иванович Кичеев, сорок пятого года рождения. С шестьдесят седьмого по семьдесят девятый год совершил несколько преступлений, в том числе убийство. Провел два года в тюрьме и три в ссылке. Дважды за составление подложных денежных документов направлялся в Сибирь, откуда сбегал. В последний раз инсценировал самоубийство, содержался в психиатрической лечебнице.

– И этот псих и убийца – писатель?! – удивленно произнес император.

– Да, такой писатель. С семьдесят шестого года пишет стихи, поэмы, очерки, выпустил несколько сборников. Сотрудничал с «Русским курьером», потом с «Русскими ведомостями». Последнее время пишет для газеты «Новости дня». Сегодня с утра Кичеев помещен в психиатрическую лечебницу. Соседи вызвали полицию, когда он рано утром начал громить свою комнату.

– Да... А остальные редакции?

– Мелкие газетенки. Им лишь бы тираж поднять. Любую гадость напечатают. Но в них в основном великого князя Сергея Александровича хают. В одной газете его даже «Князем Ходынским» назвали.

Николай изумленно посмотрел на Трепова, а потом, улыбнувшись, спросил:

– И здесь разъяренные москвичи отличились, предварительно в трактирах разогревшись?

– Да, ваше императорское величество. Что интересно, все погромы прошли практически в одно время, будто их кто-то спланировал.

– Я понял, господин генерал. Можете идти.

Когда довольный Трепов, развернувшись кругом, покинул кабинет, император тихо произнес:

– Кажется, я знаю, кто более подробно мне расскажет об этих погромах.

Глава 5

Волнения-2

Вечером того же дня вместе с Ширинкиным я присутствовал на докладе графа Палена о первых результатах расследования трагедии на Ходынке. Судебный следователь по особо важным делам надворный советник Кейзер свое дело знал отлично и сумел за столь короткое время проделать огромный объем работы.

На представленном графом протоколе осмотра места происшествия, тщательно вычерченных схемах расположения вещественных доказательств, следов, из допросов многочисленных свидетелей следствием было установлено следующее.

Во-первых, линия треугольных будок-буфетов-ларьков для раздачи подарков не была препятствием для движения толпы и не могла быть причиной трагедии. Будки были открытой стороной обращены к полю, дверей с тыльной стороны не имели. Сами по себе представляли собой легкие деревянные сооружения, сколоченные из досок. Ни одна из ста двадцати будок не была повреждена или разрушена. Не пострадал ни один человек из раздатчиков подарков. Непосредственно у стен будок не было обнаружено ни одного трупа.

Во-вторых, не подтвердилось и мнение, что люди были затоптаны толпой, которая после многочасового, терпеливого ожидания ринулась вперед после «провокационных криков». Кстати, по поводу провокаций следствию пока не удалось установить личности кричавших, но крики были.

Если кратко, то предварительные выводы Кейзера были таковыми. К ночи перед гуляньем на Ходынском поле собралось около полумиллиона человек. Самое большое скопление было возле проходов к буфетам, из которых с десяти часов утра должна была начаться раздача царских подарков. Эти помещения были устроены вдоль шоссе, и планом предусматривалось, что народ пойдет со стороны Москвы и, получив подарки, будет проходить на поле, где уже всё было подготовлено для празднования.

К сожалению, никто, включая и сотрудников Аналитического центра, не учел широкий овраг с другой стороны шоссе напротив первых буфетов. Именно этот овраг и стал причиной гибели большинства пострадавших. Медиками при осмотре тел, собранных у Ваганьковского кладбища, было установлено, что четыреста двадцать шесть человек из пятисот одиннадцати умерли от асфиксии, инсультов и инфарктов, вызванных кислородным голоданием. Повреждения тела они получили уже будучи мертвыми.

Опрос свидетелей показал, что народ, в своей основе крестьяне, прибывшие из губерний за подарками, так боялись пропустить очередь, что набились перед входом к буфетам и в этом овраге, как сельди в бочке. К утру народ начал прибывать, на землю лег туман, и сдавленные массой тел люди в овраге начали задыхаться, при этом не имея возможности как-то покинуть эту всё возрастающую толпу.

Свидетели рассказывали, что люди в толпе умирали стоя, на глазах окружающих, и так и оставались стоять, сжатые со всех сторон. Один из допрошенных Кейзером очень натуралистично поведал о том, как он длительное время перемещался вместе с толпой, зажатый между двумя покойниками.

Когда раздались «провокационные крики» и народ рванул к буфетам, то под их ноги падали уже мертвые или потерявшие сознание люди. Только быстрые и решительные действия гренадеров позволили осадить толпу и «разрезать» ее на части, сбив этот порыв.

Таким образом, по мнению судебного следователя, которое озвучил граф Пален, в силу ряда метеорологических факторов (высокое атмосферное давление, полное отсутствие ветра, высокая для мая температура воздуха и другие) над оврагом образовалось густое скопление

выдыхаемого плотно сжатой толпой воздуха, других людских испарений и выделений, бедных кислородом, что создало массовое кислородное голодание. «Замор» – так это явление называли свидетели. Окутав толпу, этот слой выделений прекратил нормальный доступ кислорода. В результате этого от кислородного голодания и вызванных этим инфарктов, инсультов и прочих заболеваний со смертельным исходом, погибла основная масса жертв Ходынки.

А вот вывод, который сделал Константин Иванович, меня, признаться, шокировал, да и не только меня. По его мнению, основной причиной трагедии явилось неконтролируемое и неорганизованное движение на Ходынском поле большой массы людей, что привело к чрезмерному их скоплению и нахождению на сравнительно небольшом пространстве значительное время при крайне неблагоприятных погодных условиях, что привело к смерти большого количества людей. Также среди тяжелораненых и изувеченных большинство составляли потерявшие сознание и оказавшиеся под ногами толпы. Следствие установило число жертв Ходынки: пятьсот одиннадцать человек погибших и одна тысяча четыреста восемьдесят семь человек, получивших травмы.

И далее граф Пален, со свойственной ему прямоотой, изложил императору свое мнение о виновности великого князя Сергея Александровича и московского обер-полицмейстера Трепова в преступлении, предусмотренном статьей 370 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». Данная статья предусматривала следующее содержание обвинения: «Противозаконное бездействие власти в случаях, особенно важных». Санкция по части II статьи 370 предусматривала: «Лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, ссылку на житье в губернии Томской или Тобольской, с заключением под стражу на время от одного года до двух лет».

«Ни хрена себе, как дед шашкой машет! Дядю императора решил в Сибирь упечь, – мысленно покачал я головой. – Только почему-то про Иллариона Ивановича ничего не сказал?! А именно граф Воронцов-Дашков отвечал за организацию коронации, оттерев от этого дела москвичей. Эх и гадюшник вокруг трона, точнее серпентарий, где не только гадюки водятся. И кобры есть, и удавы с ласковыми объятиями».

За небольшое время царствования Николая вокруг него образовалось как бы три основных партии. Первая – это клан Романовых, состоящий в основном из дядьев императора и их отпрысков, которые между собой не очень сильно ладили. Вторая партия – это старая гвардия слуг, доставшаяся новому царю от его деда и отца. И наконец, третья – небольшой круг людей, поставивших на Николая и доказавших ему свою преданность.

Сейчас передо мной разворачивалась картина, как старая гвардия пытается через трагедию на Ходынке защитить себя, а всю вину свалить на великого князя Сергея Александровича и его людей, тем самым ограничив власть некоторых представителей дома Романовых. А два представителя третьей партии, то есть я и Ширинкин, невозмутимо внешне, но ошарашенно внутри смотрели на это представление.

Когда граф Пален, закончив доклад, ушел, император взялся за нас.

– Евгений Никифорович или Тимофей Васильевич, кто мне из вас расскажет об организации погромов газет, в которых была напечатана критика в мой адрес?

Я переглянулся с Ширинкиным, тот тяжело вздохнул и произнес:

– Это была совместная операция Дворцовой полиции и Аналитического центра.

– И зачем это нужно было делать? Тем более, не поставив меня в известность?!

– Ваше императорское величество, мы надеялись, что критических статей о Ходынской трагедии, затрагивающих государя и царствующий дом, в газетах не будет, но всё равно решили разработать мероприятие по организации народных возмущений на данные публикации. Вы уже собирались уезжать в объезд по больницам, когда вышли газеты, включая и «Новости дня». Решили попробовать, – я виновато развел руками. – Не ожидали мы такого развития событий. А какие результаты будут, посмотрим в завтрашних выпусках.

– Что значит результаты? А разгром издательств, избиение их сотрудников – это не результат?

– Ваше императорское величество, на настоящий момент газеты, журналы, с учетом ежегодного роста тиражей и охвата всё большего количества читающегося населения, становятся эффективным средством по воздействию и влиянию на общественное сознание и мнение людей в различных сферах и областях жизнедеятельности общества.

«Вот это завернул, аж самому понравилось», – успел подумать про себя и продолжил:

Точно не помню, но, кажется, Джозеф Пулитцер, ставший в Соединённых Штатах миллионером на выпуске газет, сказал, что «правда – это то, во что верит большинство». Чаще всего после получения информации, в которую верит большинство, человек принимает ее на веру, то есть считает единственно верной. Таким образом, через газеты, журналы, которые стоит назвать средствами массовой информации, можно сформировать любое мнение о произошедшем событии, включая и абсолютно ложное. Главное, чтобы в это поверило большинство. Поэтому считаю, что лучше разгромить пять типографий и редакций газет, чем потом пытаться как-то изменить сложившееся мнение в обществе. Надеюсь, что остальные издатели поймут этот намек.

Император удивленно смотрел на меня, несколько ошарашенный моим напором.

– Евгений Никифорович, вы так же считаете? – после небольшой паузы Николай обратился к Ширинкину.

– Да, ваше императорское величество, в этом я полностью поддерживаю Тимофея Васильевича.

– Что же, Тимофей Васильевич, через три дня жду краткого доклада по вашему взгляду на влияние, как вы сказали, «средств массовой информации» на сознание и мнение людей. И посмотрим, какие будут результаты от ваших действий.

На этом раздача «плюшек» закончилась, а дальше пошел конструктивный разговор о завтрашнем мероприятии.

На следующий день на Ваганьковском кладбище хоронили погибших. На похоронах присутствовали царская чета со всеми Романовыми и свитой, митрополит Антоний со своей братией.

Раньше всех на кладбище прибыл отец Иоанн Кронштадтский, имевший в это время такое почитание в народе, что всюду в России, где только становилось известно о его приезде, заранее собирались многотысячные толпы. Появление отца Иоанна и его утешительные слова произвели сильное впечатление на удрученных родных. Потом митрополит Антоний провел панихиду, и было произведено захоронение погибших в братской могиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.